

Грех, который не будет прощен О самоубийстве с христианской точки зрения

© Издательство "Отчий дом". Москва, 1997.

© Библиотека Веб-Центра «Омега».

Содержание

Священник Ф. Орнатский. О самоубийстве перед судом Откровенного учения

Христианский взгляд на самоубийство

Причины, побуждающие к самоубийству

О самоубийстве пред судом откровенного учения

Мировоззрение человека, лишаящего себя жизни

О борьбе с искушением на самоубийство

Павел Никольский. Главный виновник самоубийства – диавол

Протоиерей Евгений Попов. О самоубийстве

Священник Ф. Орнатский. О самоубийстве перед судом Откровенного учения¹

Христианский взгляд на самоубийство

Цель всякой проповеди, один из видов которой составляет и настоящее мое чтение, заключается в том, чтобы возбудить в слушателях или читателях отвращение или сочувствие к обсуждаемому предмету. Предметом моего чтения будет служить самоубийство или произвольное лишение человеком жизни себя самого. Это явление такого рода, что одним своим именем в людях, не склонных к самоубийству, вызывает отвращение. Но я должен сказать, что оно опаснее и преступнее, чем обыкновенно думают о нем. Вообще, в каждом грехе единичного человека бывает виновен не сам только человек согрешающий, но и окружающие его люди, совокупность мыслей, в которых он вращается, обстановка, в которой он живет. Так и при том или другом случае самоубийства никто из нас не может сказать, положив руку на сердце, что он несколько не виновен в этом самоубийстве чужого ему человека. Подумайте только, не расположили ли мы того или другого человека к самоубийству тем, что оправдывали во всеуслышание несколько предшествовавших самоубийств тем, что легкомысленно судили о будущей жизни и воздаянии за гробом, - тем, что и саму цель жизни, если не на словах, то на деле, ограничивали только настоящей и земной жизнью? Да, по моему мнению, мы все до единого, так или иначе, кто умолчанием, кто явным сочувствием, кто легкомысленным отношением к самоубийству бываем виновны в каждом случае самоубийства.

В отношении к самоубийству мы находимся в ужасном положении тех, кому Спаситель возвещает горе за то, что ими соблазны входят в мир, кому, по Его словам, лучше было бы, если бы повесить им на шею жернов мельничный и утопить в пучине морской. Словом, мы являемся в данном случае соблазнительями на самоубийство. Не думайте, что я преувеличиваю, нет! и вы сами скажете то же, если вспомните, до чего мы дожили: что в наши дни стреляются и вешаются даже дети, не достигшие зрелой юности. Если относительно взрослого человека, возможно бывает предположить, что он покончил с собою

¹ Печатается по изданию: "О самоубийстве пред судом Откровенного учения" свящ. Орнатского. СПб., 1894.

вследствие помешательства, недостатка силы воли к перенесению тяжести жизни, каких-либо потерь имущественных или по службе, то относительно самоубийц-детей ничего нельзя сказать, кроме того, что он застрелился по совершенно ничтожной причине, по поводу, например, получения единицы на экзамене, и, следовательно, единственно по подражанию одобряемым гласно и негласно старшим самоубийцам. Посему-то, мне кажется, дело зашло слишком далеко, и теперь, когда - слава Богу! усердное проповедничество ставит на очередь для обсуждения разнообразные вопросы касательно нравственных уродливостей нашей жизни, время обсудить со всей обстоятельностью и вопрос о самоубийстве.

В настоящем чтении я имею в виду решить вопрос о том, как относиться к этому явлению, стоя на точке зрения Слова Божия, отчасти же принимая во внимание свидетельство истории и данные статистики. Относительно моих читателей я имею в виду одно - дать ищущим света в хаосе разных ложных учений и веяний современной жизни правильный взгляд на самоубийство, с помощью чего вы могли бы разить этот грех не только в совершении, но и в сочувствии, попытках и поползновениях к нему. Не смотрите на это как на нечто маловажное! Господь говорит: кто сотворит хоть одну из заповедей Его и научит ей других, тот великим наречется в Царствии Небесном. Следует помнить, что каждый из нас, христиан, должен быть своего рода проповедником правды в том кругу людей, в котором ему приходится вращаться. Иногда слово ласковой укоризны, настойчивого обличения, праведного негодования, сказанное вовремя несчастному ближнему, стоящему на краю гибели, способно остановить его от ужасного преступления и направить на путь добродетели. А те, которые решаются на самоубийство, бывают обыкновенно несчастнейшими людьми. Велика же, велика награда будет тому, кто спасет от гибели чужую душу!

Итак, помня завет Христов: друг друга тяготы носить, а не себе угождать, пойдем навстречу самоубийству с самым пылким негодованием, догоним его с живейшим сожалением и, будем разить словом любви всякого, кто позволит себе отнестись к этому тяжкому греху снисходительно, легкомысленно и тем более одобрительно!

Причины, побуждающие к самоубийству

За примерами самоубийств и объяснениями их с точки зрения современного общества ходить не далеко. Они на виду у всякого, кто сколько-нибудь внимательно относится к явлениям современной жизни, к тому, что о ней говорится и не меньше пишется. Вот человек высокопоставленный, достигший в настоящей жизни всего возможного - славы, значения, богатства, допустил несколько ошибок во вверенном ему деле большой общественной важности и, желая смыть с себя пятно собственной оплошности, застрелился. И общественное мнение, находя этот самосуд слишком строгим, однако же относится к самоубийце с похвалою за его будто бы честную расправу с собой.

Другой человек, исчерпавший глубину премудрости человеческой в известной отрасли знания, и посему способный принести большую пользу человечеству, именно служа общему благу, допустил непоправимую ошибку во вред частному лицу и потом, как бы в возмездие за свою ошибку и для избежания позора от людей, покончил с собою. Общественное мнение, относясь с чувством живейшего сожаления о безвременно погибшем симпатичном деятеле, выдает его поступок за урок добросовестности.

Вот третий человек, обремененный семьей, долго перебивался из-за куска хлеба, перенес много труда, изведал много тяжких огорчений и, наконец, ожесточился до того, что зарезал и жену свою, и детей и, наконец, покончил с собою. Общественное мнение оправдывает его поступок во имя предшествующей невыносимости его материального и нравственного неблагополучия. Этот потерпел неудачу в любви, иной потерял состояние, кто занемог неисцельной болезнью, кто не надеется на лучшее в настоящей жизни, и всякий кончает с собой. Кто - под железнодорожным поездом, кто - ядом, кто - ножом, кто - револьвером, кто бросается в воду, кто вешается; всех способов современного самоубийства, иногда поразительно изобретательных, и не перечислить. Прискорбнее же всего ведет себя во всех этих случаях общественное мнение. Оно отыскивает ближайший повод каждого

данного самоубийства и, найдя его большею частью на основании подлинных записок самоубийц то в героизме самоубийцы, то в невыносимости нравственных или материальных обстоятельств его жизни, то в помешательстве, на том и успокаивается. И никто не задумается над тем, на почве каких же верований и убеждений, нравственных правил и принципов выросло данное самоубийство.

Без сомнения, никому нет дела до частной жизни того или другого самоубийцы, но если вопрос об убеждениях и верованиях, о нравственной жизни самоубийцы и есть главный вопрос, то он должен быть решен, так как от решения его зависит вывод о причинах самоубийства вообще. Помешательство, всего чаще выдаваемое за причину самоубийства, обыкновенно всего реже ею бывает. Можно за достоверное признать, что в самый последний момент пред самоубийством самоубийца не владеет собой и представляет собой ненормального человека, но всего чаще нельзя положительно утверждать, что помешательство служит причиной самоубийства, почти всегда оно сообщает только последний толчок на самоубийство.

В вопросе о том, во имя каких убеждений и нравственных правил кончает с собой самоубийца, одно можно сказать с уверенностью, что самоубийцы вообще никогда не руководятся в своем самосуде учением Откровенной религии и правилами христианской нравственности. Чтобы это не показалось голословным, обратимся к подлежащему свидетельству ветхозаветного и новозаветного Откровения.

Но здесь меня заранее смущает вопрос - почему ни единожды, на всем пространстве Священного Писания, прямо не осуждается грех самоубийства? Больше того - почему о нем даже ни разу не упоминается при всем множестве наставлений, особенно в ветхозаветном Откровении, относительно того, чего должно избегать и к чему должно стремиться? Но этот последний факт умалчивания о самоубийстве, как нравственном пороке, дает мне основание утверждать, что не потому не говорит о нем Священное Писание, что оно - не грех, не тяжкое преступление, а потому напротив, что оно слишком страшный, противоестественный, посягающий на права Самого Бога грех, священным писателям казавшийся даже невозможным и невероятным. Потому они и не высказались о нем в своих наставлениях и поучениях. Потому же и вся Библия - в ветхозаветных и новозаветных книгах вместе, представляет, как увидим ниже, всего только два примера самоубийц.

Превосходство Откровенного учения православной веры пред всеми другими учениями заключается, между прочим, в том, что оно не налагает на людей бремена неудобноносимые, не предлагает правил без применения, идеалов без осуществления. Наряду с высокими требованиями, которые предъявляет это учение к верующим, оно представляет в пример и людей, осуществивших в своей жизни эти требования. Посему, говоря о самоубийстве с точки зрения Откровенного учения, я выясню принципиальный взгляд священных писателей на этот предмет и покажу, как относились к самоубийству герои Откровенной нравственности.

О самоубийстве пред судом откровенного учения

Итак, Господь Бог, с горы Синая грозно возвестивший заповедь *Не убивай* (Исх. 20, 13), может ли снисходительно или одобрительно относиться к самоубийству? Да не будет! В этой заповеди запрещается столько же убийство другого человека, как и самого себя, в ней именно запрещается убийство человека вообще, будь это посторонний для меня человек, или я сам. Если бы здесь говорилось только об убийстве другого, ближнего, то, без сомнения, и было бы прибавлено: *не убей ближнего твоего*, подобно тому, как в девятой заповеди сказано: *Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего* (Исх. 20, 16). Так как этого прибавления в шестой заповеди не сделано, то в ней справедливо видеть запрещение всякого убийства, в том числе и самоубийства.

Да и что такое самоубийство? Действие самосуда человеческого, простирающееся до лишения себя жизни. Но не ясно ли, что человек в этом случае вторгается в права Божественные? По всему Священному Писанию Ветхого Завета проходит мысль, что жизнь дается человеку Богом: Бог сотворил первых людей, Бог же и наказывает людей

бездетностию или награждает чадородием. Значит, кто, получив от Бога жизнь, произвольно лишает ее себя, тот нарушает право Божественной власти и навлекает на себя кары Божественного Правосудия. *Видите ныне [видите,] что это Я, Я - и нет Бога, кроме Меня: Я умерщвляю и оживляю, Я поражаю и Я исцеляю, и никто не избавит от руки Моей* (Втор. 32, 39). В подобных выражениях, свидетельствующих об осознании ветхозаветными людьми того, что только Бог в праве распоряжаться смертью человека, - нет недостатка в Священном Писании. Вот Анна пророчица, мать Самуилова, в своей пророческой песни, пред лицом Бога исповедует: *Господь умерщвляет и оживляет, низводит в преисподнюю и возводит* (1 Цар. 2, 6). Вот царь Соломон, которому Господь дал сердце столь мудрое, что мудрее его не было царя и не будет, говорит, обращаясь ко Господу: *Ты имеешь власть жизни и смерти и низводишь до врат ада и возводишь* (Прем. 16, 13).

Следовательно, Господь Бог и только Он - Владыка смерти человека. Сознание этого проникает ли и в жизнь ветхозаветных праведников? Для решения сего вопроса припомним поучительный образ ветхозаветного праведника, о котором Сам Господь говорил, *что нет такого, как он, на земле: человек непорочный, справедливый, богобоязненный и удаляющийся от зла* (Иов. 1, 8), - словом, припомним себе Иова. И подлинно. Многострадальный представлял собой образец человека праведного и в семейной жизни, и в общественной. Глубоко верующий в Бога и боящийся Его, святой во всех поступках, Он был живым одобрением людям благочестивым и укоризной для злых, страхом - для преступников, защитой - для слабых, вдовиц и сирот. Он так берег чистоту детей своих, что ежедневно после пира их приносил за них жертву Господу, опасаясь - не согрешили ли дети его и не помыслили ли зла против Бога. И Господь, видящий не только деяния человека, но и его помышления, наградил Иова. Не было славнее, богаче, почтеннее и счастливее человека в Аравии, где жил праведный Иов, чем он. Но вот, священный жизнеописатель Иова открывает завесу, скрывающую от взоров наших неисповедимые пути Промысла Божия и козни диавола, воюющего на праведных. Иов последовательно лишается всего - и богатства, и семьи, и, наконец - здоровья. Он поражается проказой, а с нею - заметьте - и бесчестьем, ибо прокаженные изгонялись из общества человеческого. Современные самоубийцы и общественное мнение любят объяснять причины самоубийства тяжестью жизненных условий человека, его падением, уроном его репутации в глазах людей. Смотрите же, как ведет себя подлинно несчастный: и нищий, и бессемейный, и больной и опозоренный в глазах людей многострадальный Иов! До тех пор, пока он не очутился вне жилищ человеческих, по выражению Священного Писания, *не согрешил Иов и не произнес ничего неразумного о Боге* (Иов. 1, 22), - не только что не помыслил о самоубийстве. Но вот он на гноище, в струпьях и гное, который соскабливает черепком, один со своим позором. Его друзья пришли навестить его, на самом же деле, чтобы растравлять его раны. Они заподозривают его во грехах, за которые Господь и наказывает его столь тяжко. И это подозрение для праведного Иова, не имевшего возможности даже оправдать себя в их глазах, было тяжелее наказания. Наконец, приходит к нему его бедная жена, оставшаяся без куска хлеба, в необходимости зарабатывать себе пропитание трудами рук своих, - несчастная, тем более что она испытала счастье, имела богатство, вскормила взрослых, теперь похищенных лютой смертью, детей... Она укоряет своего мужа болезнью, своим тяжким трудом в людях с утра до ночи и, наконец, говорит: *ты все еще тверд в непорочности твоей! похули Бога и умри* (Иов. 2, 9). В этом безрассудном умри для нас в настоящем случае заключается весь смысл. Ибо что другое, как не вызов и поощрение на самоубийство, заключает в себе это *умри*? И тебе тяжко, да и мне не легче твоего, как бы так говорит жена Иова, - освободи же себя от страданий и позора, да и меня от твоего супружества! *Похули Бога и умри!* Что же отвечает ей страдалец? *Ты говоришь, как одна из безумных: неужели доброе мы будем принимать от Бога, а злою не будем принимать? Во всем этом не согрешил Иов устами своими* (Иов. 2, 10)- замечает его жизнеописатель. Итак, все - и добро, и зло настоящей жизни не без воли Бога, одно как награда, другое - как испытание. Тот, кто видел добро в жизни, и кто его не видел, должны терпеливо переносить зло, даже и, не помышляя о самоубийстве - вот нравственный вывод из всей жизни многострадального Иова.

Теперь обратимся к Священному Писанию Нового Завета. В беспримерной, Божественной личности Богочеловека Иисуса Христа, Основателя нашей религии, мы имеем и безупречную чистоту поучения и высочайшее осуществление в жизни Его нравственного идеала. Никогда слово Его не шло в разлад с делом, напротив дело являлось воплощением устного наставления. Он учил нас, с обещанием блаженства, быть *нищими духом, плачущими о грехах, кроткими, чистыми сердцем, миротворцами, гонимыми за правду* (Мф. 5, 3-12), и Сам был образцом всех этих добродетелей: нищеты духовной и безропотной нищеты телесной, кротости, смирения, миролюбия, стойкости за истину. Он учил терпению, говоря: *претерпевый до конца спасется* (Мф. 10, 22) и Сам был добровольным Страдальцем со дня рождения Своего и до смерти на кресте. Он учил нас той великой любви к ближним, высота которой выражается в осуществлении слов: *кто положит душу свою за друзей своих* (Ин. 15, 13), и Сам первый принес жизнь Свою за всех людей.

Как же Он, Господь наш, соблаговоливший для нашего наставления и спасения сойти с Небес, как же Он относился к самоубийству? Он прямо говорил, что не нарушить пришел Он ветхозаветный закон, а исполнить (Мф. 5, 17), поднять его выше, одухотворить, посему и ветхозаветную заповедь *не убей* Он очищает до ее духовного смысла. Не только не убивай, говорит Он, даже не унижай себя гневом, не оскорбляй ближнего словом, не терзай его как безумного, лишённого образа Божия. Если так осторожно, почтительно должно обращаться с ближними, как же можно унижать себя самого до лишения себя жизни? Господь дал заповедь: *люби ближнего твоего, как самого себя* (Мф. 22, 39). По смыслу этой заповеди любовь к ближнему должна быть подобием той любви, которую человек имеет к самому себе. Если Господь не отменяет заповедь *не убей* другого во имя любви к нему, подобной любви к себе самому. Как же можно убивать себя? Где же у самоубийцы необходимая любовь к себе, с которой должен он сравнивать любовь к ближним? Если он так любит себя, что лишает себя жизни, то отсюда вывод - он должен любить и других также посредством лишения их жизни. Однако же против убийства ближнего несомненно говорят законы Божеские и человеческие, и никто никогда не говорил еще, что тот оказал человеку благо, кто лишил его жизни. А если противозаконно убить ближнего, то тем более противозаконно убивать себя самого, ради своих будто бы невыносимых бедствий жизни, бедности, семейного горя, общественного позора и прочего.

Впрочем, нужно сказать, что не противозаконно самоопределение себя на смерть за веру, как добровольное мученичество, или за благо ближних, как самопожертвование. Иисус Христос, как Бог, мог бы избежать смерти, но Он добровольно пошел на смерть ради спасения людей, когда пришло время Его смерти. Но и Он, и апостолы, и позднейшие мученики, и исповедники за веру Христову, когда не представлялось надобности в бесплодных муках, когда еще жизнь их была более ценною, чем мученическая смерть, в интересах ближних, все они избегали смерти. Сам Иисус Христос несколько раз скрывался от разъяренных врагов Своих, чтобы сохранить Свою жизнь (Лк. 4, 29-30), Он же советовал и Своим апостолам убегать в другой город, когда будут гнать их в одном (Мф. 10, 29). Следовательно, и самопожертвование тогда только заслуживает этого наименования, и есть великая добродетель, когда оно небесцельно, когда оно вытекает из стремления исполнить заповедь Христову о любви к ближним до положения за них души своей. Едва ли кто станет спорить с тем, что никакое самоубийство не представляет и тени христианского самопожертвования.

Если бы все-таки кто-либо, увлекающийся героизмом самоубийц, в случаях самоосуждения их за преступления против личности или целого общества, - если бы кто-либо стал сопоставлять самоубийство с христианским самопожертвованием, тот да вспомнит героизм Иисуса Христа, героизм Его апостолов, героизм мучеников, и устыдится своего кощунственного заблуждения! Правда, они вздыхали о том плене, в котором находились, живя на земле. - Вздыхали, говоря даже: *Кто избавит меня от сего тела смерти?* (Рим. 7, 24). Но они никогда не бежали из этого плена сами, а, напротив, разрушали оковы греха и соблазна, отовсюду на них ополчавшихся, чтобы, когда Господь позовет их к Себе, со Христом быть на Небе. Сам Господь в этом отношении, как и во всех других, представляет

нам высший образец. Живя на земле, Он, бывало, страдал, как никто. Угнетаемый тяжестью грехов всего человечества, оставленный на время Самим Богом до того, что Сам Он вопиал: *Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?* (Мк. 15, 34). Он никогда не подумал о невыносимости жизни, дарованной Богом, тем более о том, чтобы освободиться от нее. Он, правда, молился о том, чтобы, если возможно, миновала Его чаша страданий, но прибавлял: *впрочем, не как Я хочу, но как Ты;.. не Моя воля, но Твоя да будет* (Мф. 26, 39; Лк. 22, 42). Вот образец терпения, несения креста жизненного, послушания Отцу до смерти и смерти крестной!

Подражанием Своему Учителю и Господу жили и ученики Христовы. И кто же может усомниться в том, что они были далеки от преступной мысли о самоубийстве, хотя всякий знает, что им, овцам среди волков, - кротким среди свирепых язычников, жилось не легко! Вот апостол язычников Павел свидетельствует вслух всего мира, в лице Коринфян, которые не могли не знать действительного положения своего духовного отца: *я думаю, что нам, последним посланникам, Бог судил быть как бы приговоренными к смерти, потому что мы сделали позорищем для мира, для Ангелов, и человеков... Даже доныне терпим голод и жажду, и наготу и побои, и скитаемся, и трудимся, работая своими руками. Злословят нас, мы благословляем; гонят нас, мы терпим; хулят нас, мы молим; мы как сор для мира, как прах, всеми попираемый доныне* (1 Кор. 4, 9, 11-13). Подлинно, и чрез восемнадцать веков слова эта служат наилучшим обличением постыдного самоубийства, ибо - подобно апостолам - победить зло жизни во всех его видах: брань и поношения со стороны людей благословением их, гонения - терпением, хулы - молитвой, значит спасти себя и от самоубийства и уготовить себе верное блаженство в жизни будущей. - Хотите ли узнать, как апостолы относятся к покушениям на свою жизнь со стороны других людей, смотрите на апостола Павла! Вот он, вместе с учеником своим Силою, избитый, израненный, закован в кандалы в темнице в городе Филиппах (в Македонии). Полночь. Святые узники молятся Господу, поя псалмы. Столь необычное поведение преступников темничных заинтересовало даже темничную стражу. Заслушались стражники святого пения чудных преступников. Вдруг произошло землетрясение, так что поколебались своды темничные, двери отворились и оковы спали с рук и ног заключенных. Один из темничных стражников, пробудившись от сна и по отворенным дверям думая, что заключенные бежали, выхватил нож и хотел себя убить. Но Павел громко воскликнул: *не делай себе никакого зла, ибо все мы здесь* (Деян. 16, 28). Кто же после этого может сказать, что самоубийство - не зло, хотя бы оно оправдывалось и таким побуждением, какое было у темничного стража, боявшегося ответственности за бегство узников, происшедшее не по его вине?

Обратимся к мученикам. Замечательно, что в то время как язычество на высоте своего мирского могущества, богатства и славы дало из среды своей множество самоубийц, - презренные, бедные, гонимые христиане готовы были идти и на костер, и в зубы львов, и под острие меча, и под железную пилу, но никогда не лишали себя жизни сами. *Верую побеждали царства, творили правду, получали обетования, заграждали уста львов, угашали силу огня, избегали острия меча... другие испытали поругания и побои, а также узы, и темницу, были побиваемы камнями, перепиливаемы, подвергаемы пытке, умирали от меча, скитались в милотях и козых кожах, терпя недостатки, скорби, озлобления; те, которых весь мир не был достоин, скитались по пустыням и горам, по пещерам и ущельям земли* (Евр. 11, 33-34; 36-38). За то и победили они царства, получили обетования, были крепки на войне, прогоняли полки чужих (Евр. 11, 34). Вот истинный героизм на земле - терпением течение на предлежащий нам подвиг, по вере в Начальника и Совершителя Иисуса Христа, *Который вместо предлежавшей Ему радости, претерпел крест, пренебрегши посрамление* (Евр. 12, 2). Пред этим истинным героизмом не меркнет ли, как тлеющая и издающая смрад головешка пред ясным заревом пожара, ложный героизм самоубийства? Не представляется ли оно, иногда выдаваемое за храбрость, пошлой трусостью, бегством с поля битвы, да какой битвы? Той, которая, в конце концов, должна дать венец праведности, право на наследие жизни вечной? И где любовь самоубийц к людям, о которой говорят иногда? Подлинно, это - любовь только языком, а не делом и истиной, ибо самоубийцы, вместо того, чтобы любить

ближних на деле, безжалостно оставляют их в сей жизни, сами, уходя в тот мир, из которого никто не возвращается.

Из всего сказанного можно видеть, как противно духу Христовой истины самоубийство. Отцы и учителя Церкви всегда с негодованием и порицанием относились к самоубийству, видя в нем преступление большее, чем убийство другого. "Как мы пришли на свет не по собственному желанию, так точно не имеем права и уйти из него без ведома и воли Того, Кто нас сюда прислал" (Августин), - говорили они. Посему же и Святая Церковь, верная учению и духу Христовой истины, с порицанием относится к самоубийству, лишая погребения сознательных самоубийц. Потому же, без сомнения, и всякому православному христианину, более или менее проникнутому духом Христовой истины, претит самоубийство, как дело преступнейшее, навлекающее на главу самоубийцы гнев Божий.

Мировоззрение человека, лишаящего себя жизни

Нам предстоит решить еще один важный вопрос: на почве каких же верований и нравственных убеждений, какого образа жизни и поведения возникает обыкновенно самоубийство? Для этого восстановим в своем представлении образы библейских самоубийц. Святая Библия в ветхозаветных и новозаветных книгах представляет нам только двух самоубийц: израильского царя Саула и ученика Христова Иуду. Говоря о них, мы увидим, как относится к их самоубийству Слово Божие. Оба эти лица представляют собой людей особенно изысканных милостью Божией до своего падения.

Саул был сын простого израильтянина. Когда израильтяне просили себе у Бога царя чрез пророка Самуила, то Господь рукой Самуила помазал им в цари Саула. Таким образом, Саул вознесен был во главу народа Божия, - честь, которой сподобились немногие избранные. В помазании ему сообщены были дары Духа Святаго: дар пророчества, дар мудрости и силы. Потом обещал ему Бог, если он будет верен Господу отцов своих, что престол его укрепится за ним и его семейством. За личным счастьем ему обещано было и потомственное. Как же Саул отблагодарил Господа за эти милости? Вскоре по своем воцарении, он дважды нарушил волю Божию, поставляя на место ее свою преступную волю. Один раз, перед войной, он сам принес жертву Богу, когда ее должен был принести Самуил. В другой раз он не истребил в войне амаликитян со всем их имуществом, по повелению Божию, за то, что они некогда в пустыне напали на израильтян. Саул пощадил их царя Агата и лучшие его стада, истребив только худшее и уничиженное. И за то, что не послушался он гласа Господня, но устремился на корысти, он сурово обличен был Самуилом и оставлен Богом, обреченный на истребление со всем родом своим. И только оставленный за своеволие, посягающее на презрение воли Божией, и за пристрастие к мирским благам, выразившееся в сохранении стад Агата, вопреки воле Божией. Только тогда Саул впал в состояние терзания душевного, подобное помешательству, тогда же прибег он к новому преступлению - волшебству, тогда же впал он в злобу на людей и отчаяние. Итак, в случае с Саулом мы видим, что и само помешательство его, как, вероятно, назовут болезнь его современные ученые люди, не предшествовало практическому неверию и нарушению воли Божией в жизни, а явилось плодом этих страшных пороков. Посему, не помешательство, а неверие и греховное своеволие в жизни, в конце же концов отчаяние стало причиной самоубийства Саула, когда он был ранен в войне с филистимлянами и, не желая попасться живым в руки врагов, пал на свой меч. *Так умер Саул за свое беззаконие, которое он сделал пред Господам, за то, что не соблюл слова Господня и обратился к волшебнице с вопросом, а не взыскал Господа. За то Они умертвил его* (1 Пар. 10, 13-14). Вот приговор, справедливый относительно всех самоубийц прежних и будущих: они налагают на себя руки по причине своих беззаконий, потому что забывают Господа, не ищут Его ни в мыслях своих, ни в жизни.

Таков же Иуда. Он ли не был взыскан милостями Господа нашего Иисуса Христа? Он сподобился быть ближайшим учеником Господа, слышать любвеобильное Его учение, участвовать в Его трудах и путешествиях, разделять Его трапезу. Но сколь велика была к нему любовь Господа, столь великую неблагодарность обнаружил к Нему Иуда. Его

предательство столь поразительно, столь низко, столь невероятно, что, без сомнения, до конца времен будет предметом обсуждения со стороны глубокомысленнейших богословов. "Сатана вошел в сердце Иуды, один из вас (учеников Господа) диавол", - так говорится в Евангелии об Иуде. И без сомнения, в деле гнусного предательства Иуда был орудием того исконного врага человеческого, главу которого стереть и пришел на землю Господь Иисус Христос.

Но как во всяком грехе и преступлении нельзя всю вину относить на долю искусителя, а значительную часть ее принимать на свою долю, так и в деле предательства Иуда был сам виновен в громадной степени. Что же сделало его предателем? Евангелие отвечает нам, и в этом отношении дает основание (согласно с ветхозаветным Писанием) объяснять причину самоубийства, - что предателем сделало Иуду его корыстолюбие. Он *был вор*, - замечает Святой Иоанн (Ин. 12, 6), - и имел ящик или кошелек с деньгами, куда опускались все принадлежавшие обществу учеников Иисусовых деньги. Часть из них утаивая в свою пользу, Иуда злобно протестовал на пиру у Симона прокаженного против благородного поступка Марии, излившей сосуд драгоценного мира на главу и ноги Спасителя. Иуда сетовал, что лучше бы продать это миро за большую сумму денег и раздать их нищим, на самом же деле жалея, что не пришлось ему воспользоваться значительной частью этих денег в свою личную пользу. А потом Иуда продал Иисуса Христа за тридцать сребренников. Ничтожность этой суммы показывает его ужасное корыстолюбие, не гнушавшееся и малым. Итак, Господь был предан Иудой по побуждению корыстолюбия, но для нас важно другое. Когда увидел он, к чему привело его предательство - к осуждению его Учителя на смерть, он до того отчаялся, что пошел к первосвященникам, швырнул им деньги (30 сребренников) и с раскаянием до отчаяния в своем гнусном поступке, сопровождаемый злорадными насмешками первосвященников и книжников иудейских, пошел и удавился. И упало с древа тело его *и расселось чрево его, и выпали все внутренности его* (Деян. 1, 18). А в другом месте тот же апостол леденяще-сурово замечает об Иуде, которому - по словам Спасителя - лучше бы не родиться в мир: так *отпал* от Апостольства Иуда, *чтобы идти в свое место* (Деян. 1, 25).

После всего сказанного не остается никакого сомнения в том, что самоубийство бывает плодом отчаяния, заслоняющего самосознание существования Бога, Его правды и возмездия в загробной жизни. Такое заблуждение в свою очередь бывает плодом своеволия человеческого, пристрастия к земле с ее тленными благами, пресыщения этими благами или ожесточения по поводу неимения их. Этот вывод прямо вытекает из предыдущей характеристики, сделанной на основании Священного Писания, - двух библейских самоубийц.

Но если и этого мало для того, чтобы видеть в самоубийцах людей обыкновенно неверующих, эгоистичных, пресыщенных материальными благами или ожесточенных до отчаяния, - то для большей доказательности обратимся к истории. Недаром говорят, что история учит. И она свидетельствует, что всегда и везде, где царил неверие в Бога и загробную жизнь, где отдавалось предпочтение материальному над духовным, везде и всегда было сильно распространено самоубийство. Таков восемнадцатый век с его ложным просвещением, таково наше время просвещения и упадка нравственности, таково в особенности время язычества перед пришествием Христовым. К этому-то времени теперь обращусь и я.

Что представляло из себя язычество времен пришествия на землю Христа Спасителя? Нельзя без содрогания читать того, что пишут о нем люди, посвятившие свои исследования этому безотрадному времени. Так как упадок всякого общества людского в нравственном отношении стоит в прямой зависимости от упадка того же общества в отношении религиозных верований, то посмотрим, какими были они у римлян-язычников времен перед пришествием Христа Спасителя. Священное Писание свидетельствует, что мысль о единстве Божиим люди потеряли с тех пор, как они рассеяны были по разным сторонам земли. С тех пор они осуетились и, как говорит Премудрый, от видимых и рассеянных в мире благ не могли уразуметь Сущего, ни чрез изучение творений Божиих познать Творца, но стали

почитать богами и строителями мира или огонь, или воздух, или воду, или светила небесные - словом, стали боготворить бездушную природу, с ее подавляющими слабого человека силами. В самом деле, все древние восточные религии представляли собой именно обожествление природы и, как вечно однообразна она, столь же однообразны были эти религии, в самом зародыше уже обреченные на застой и неподвижность. Естественно, что и люди мало-помалу охладели к таким религиям.

Когда Александр Македонский покорил народы востока, то вместе с владычеством своим распространил и греческий культ. Как человек в ряду сотворенных существ есть венец творения, так и религия греков, с обожествлением в ней идеального человека, есть венец языческих религий. Но идеальный человек, обожествленный в религии греков, конечно должен был иметь и действительно имел все человеческие недостатки и пороки, так что и Олимп - обиталище богов - в конце концов, является только отображением естественного бытия и греческой народной жизни. По замечанию блаженного Августина, греческие боги были олицетворенные человеческие страсти, которые почитались тем более, чем более боги старались превзойти друг друга в пороках. Отличаясь злодеяниями сами, боги естественно тому же самому научили и своих поклонников.

Вместе с греческой образованностью, перешло к римлянам и многобожие греков; но у римлян боги имели особенный характер. Главным предметом внимания римлян, из особенных забот и благоговения было государство и гражданская жизнь. Этой же цели служила и их религия. Капитолийский Юпитер был собственно олицетворением государства. Верховными богами были Марс - бог войны и Виктория - богиня победы, как главные виновники торжества римлян над всеми современными им народами. Когда, поэтому, римляне достигли полного могущества, их боги, как сослужившие свою службу, были так сказать уволены за штат. Место Юпитера занял римский император, он же милостиво даровал римлянам и других богов, производя в божеское достоинство своих родственников. Религия греческая выродилась, таким образом, в обожествление человека уже не идеального, задрапированного большей или меньшей неизвестностью олимпийской жизни, а простого, обыкновенного, иногда даже негоднейшего. На вершине своего могущества римляне, частью по недовольству своими богами, частью из политических видов приняли в свой культ богов всех входящих в состав римской империи народов. Это окончательно подорвало всякую религию. В среде простого народа она выродилась в суеверие, в классах же образованных стала предметом насмешек. Цицерон рассказывает, что сами гадальщики по внутренностям животных в его время не могли без смеха смотреть друг на друга. В театрах и зрелищах нередко выводились на сцену сами боги со всеми их недостатками и непристойностями, и народ с удовольствием осмеивал тех, которым в храмах приносил жертвы.

Можно себе представить заранее, каковы были, при таких религиозных убеждениях, нравственные идеалы римского общества. Язычеству чуждо было даже представление о загробной жизни, о бытии по ту сторону гроба. Цель, к которой оно стремилось, для него всегда заключалась только в этом мире. Жизнь древних язычников всегда ограничивалась лишь интересами о земном счастье, о земном благополучии. Как же определялась эта цель?

Более благородные души искали себе утешения и мира в стоической философии. Нравственный идеал стоицизма состоял в том, что мудрец, которого одного он признает царем, жрецом и судьей мира, с холодным равнодушием подчиняется железной необходимости немилосердной судьбы. На первый взгляд мужество стоика вызывает удивление, но удивление исчезает, если вспомнить, что это мужество, в сущности, есть ничто иное, как непомерное высокомерие. Мужество стоика холодно, как лед, и мрачно, как могила, оно - голый эгоизм, лишенный всякой любви и потому неспособный врачевать и утешать. И в преддверии могилы он проявляет то же самое равнодушие по отношению к железной необходимости. Бессмертие для него мечта, прекрасный сон. Оттого-то стоик так равнодушно расстается с жизнью и так радостно глядит в глаза смерти, как верному исходу из безысходного положения. Эти безотрадные воззрения все-таки были лучшими предпришествием Христовым.

Большинство же людей, в том числе и некоторые образованные люди, оставались преданы эпикурейской философии, девизом которой было: "будем есть, пить и веселиться, потому что завтра умрем". Какую вели жизнь представители этого взгляда, предававшиеся самой грубой чувственности, самому пошлому разврату, можно видеть из описания их святым апостолом Павлом в Послании к Римлянам. За то, *что славу нетленного Бога изменили в образ, подобный тленному человеку, и птицам, и четвероногим, и пресмыкающимся, - то и предал их Бог в похотях сердец их нечистоте, так, что они сквернили сами свои тела... они исполнены всякой неправды, блуда, лукавства, корыстолюбия, злобы, исполнены зависти, убийства... злоречивы, клеветники, богоненавистники, обидчики, самохвалы, горды, изобретательны на зло, непослушны родителям, безрассудны, вероломны, нелюбовны, непримиримы, немилостивы* (Рим. 1, 23-24, 29-30). Не было порока, которым бы не запятнало себя римское общество. Описания нравов того времени, вышедшие из-под пера самих язычников, представляют нам печальную и ужасную картину. Римский философ Сенека говорит о нравственном состоянии своего времени: "Все полно преступлениями и пороками; преступлений совершается более, нежели, сколько могло бы быть прекращено силой. Происходит ужасное соревнование в распущенности. Ежедневно возрастает страсть ко греху, ежедневно теряется стыд. Страсть, отвергающая уважение ко всему лучшему и святому, не знает себе никаких границ. Порок уже не скрывается более, а явно выступает напоказ. Распущенность стала столь явной и до того овладела всеми, что невинность уже не только просто редкость, но и совсем исчезла". И вот, в это-то время упадка веры или, лучше, время совершенного неверия, а за ним и упадка нравов и торжества распущенности, когда жизнь казалась несчастьем, - раздаются частые и красноречивые голоса в пользу самоубийства, как необходимости. Не стоит жить, - заявляет человечество, - исход из этой жизни есть, и именно - смерть. "Видишь ли ты, - восклицает не кто-либо, а философ, человек высокопоставленный, - видишь ли ты те крутые высоты? Оттуда вниз идет дорога к свободе. Видишь ли то море, ту реку, тот колодезь? Там, в их глубине живет свобода. Видишь ли ты то низкое сухое дерево? Там, на нем висит свобода. У тебя есть горло, сердце? Перережь его, пронзи его - в этом для тебя спасение против рабства". Можно ли красноречивее рекомендовать людям, в качестве исхода из безвыходного положения, - самоубийство, чем как оно рекомендуется в этих словах? И надо сказать правду, самоубийство в то время было так распространено, как никогда впоследствии. По словам апостола Павла, за то, что люди уклонились от Бога истинного к почтению твари, Господь Бог предал их в нечистоту и другие пороки. Поистине, за то же Он попустил людей и на самоубийство. Человечество ввергло себя в пучину порока и, не избежав чрез то борьбы со злом жизни, наконец, нашло для себя исход из этой жизни чрез самоумерщвление.

Этот вывод наш о самоубийстве как следствии неверия и материализма, а также ограничения цели жизни жизнью настоящей, подтверждается и данными статистики. Так, рассматривая самоубийство у христианских народов, различающихся по вероисповеданиям, можно видеть, что во времена наибольшего распространения своего, оно чаще всего повторяется у народов протестантских, затем католических и меньше всего, к нашему счастью, у православных. Рассматривая самоубийство по сословиям у одного и того же народа, можно видеть, что оно чаще случается среди людей образованных и редко у простолюдин, крепче держащегося заветов Церкви и веры. Чаще в городах, где столь доступны человеку всякие излишества, чем в деревнях, - чаще среди мужчин, чем женщин, которые своим полом ограждены от многого такого, что допускают себе без зазрения совести мужчины.

Обращаясь к настоящему веку, мы должны повторить то, что сказали вначале, именно, что самоубийство в наше просвещенное время чрезвычайно распространено и, к сожалению, нередко находит себе оправдания и извинения со стороны общественного мнения или, по крайней мере, в выразителях его посредством печати. Причины его распространения в наше время, без сомнения, те же, что и всегда. Только успехи просвещения нынешнего века сделали самоубийство, как и многие другие тлетворные

учения, нравы и обычаи, более или менее общим всем народам. Действительно, ныне и мы, православные христиане, почти не можем сказать, что мы отстали по количеству самоубийств от других народов. В чем же причина? К сожалению, в характере просвещения нашего века...

Я не буду умалять значения просвещения для человечества. Я понимаю, что и сам я только просвещению обязан тем, что имею честь публично излагать свои мысли. Но просвещение просвещению рознь. Когда просвещение стремится к тому, чтобы изгнать Бога и поставить на место Его кичливый разум человеческий, тогда оно тем вреднее, чем распространеннее. Бог есть Любовь, и вся жизнь по Боге должна быть выражением любви к Нему и ближним. Если человек, во имя гордого своими успехами разума, отвергает Бога, то он невольно отрешается и от любви, как руководящего начала жизни, и превращается в холодного, черствого, практического или распутного эгоиста. А без любви никакая жизнь, будь то жизнь просвещеннейшего человека, не имеет цены. Без одушевляющей человека любви не имеют значения никакие его подвиги, ни дарования, даже пророчества, даже вера, горы переставляющая. Выслушайте многозначительные слова апостола Павла: *Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я - медь звенящая или кимвал звучащий. Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви - то я ничто. Несли я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы* (1 Кор. 13, 1-3).

Как же так современные нам люди отрешились от любви, столь высокие образцы, которой мы имеем и в Основателе нашей веры, и в ее распространителях, и в пострадавших за нее мучениках? А вот как. Господь одарил человека великой и плодотворной силой разума. Благодаря этому Божьему дару, людям удалось сделать многие завоевания в мире вещественном: подчинить себе силу стихий, изобрести удобные пути сообщения, средства связи и прочее. Но, достигнув всех этих успехов, человечество вообразило себе, что оно все может своей силой - и может знать, и может сделать. Вновь раздался искусительный шепот древнего змия: *Откроются глаза ваши, и вы будете, как боги* (Быт. 3, 5). Люди вняли этому шепоту и что же? Не только не отверзлись глаза их, но, напротив - покрылись глубокой слепотой.

Ибо как только люди сказали себе: станем служить и угождать человечеству, то тотчас же обнаружилось, что всему человечеству служить и угождать нельзя. Если же Богу служить не желаешь, а человечеству не можешь, то остается одно: служить и угождать самому себе. И началась работа не Богу, а маммоне. Люди поставили себе идеалом, которого нужно достигать - свое личное благополучие, и всякий устремился в погоню за удовольствиями. На деле люди стали пользоваться жизнью только для того, чтобы есть, пить и веселиться. Богатые забыли, что богатство дано им от Бога для облегчения участи бедных, а бедные - что в самой их бедности заключается удобное средство для спасения. Отсюда все удручающие благомыслящих людей современные недуги и нашего русского общества. Отсюда же и частые самоубийства: у одних вследствие утомления роскошью, у других - черствую жизнью, без идеала и возмездия за гробом, без привязывающей к жизни любви к людям, без веры и любви к Самому Источнику всякого бытия Творцу и Создателю Богу.

О борьбе с искушением на самоубийство

Подводя итоги всему сказанному, должно коротко повторить, что самоубийство, в помешательстве ли оно совершается или в здравом уме, есть следствие, если не безбожия, то неверия в Бога, Его воздаяние за гробом и жизнь бесконечную. Разница между безбожником и неверующим та, что первый открыто не признает Бога, тогда как второй, не утверждая этого открыто, живет так, что самой жизнью заявляет непризнание Бога - Судии и Мздовоздателя. В жизни и безбожие и неверие сопровождается одинаковыми последствиями. То и другое, отвергая Бога истинного, выражается в служении идолам страстей человеческих. За это Господь Бог предает неверующих, по выражению апостола Павла нечистоте (Рим. 1, 24), или во всевозможные пороки, разрешающиеся, наконец, в

самоубийстве. Значит, самоубийство - это как бы венец безбожной, преступной жизни. Оно само по себе тяжкий грех, который нельзя ни извинять, ни оправдывать. Оно осуждается Самим Богом, противно учению Откровения и всегда чуждо было истинным праведникам.

Какие же средства можно указать для борьбы с искушениями на самоубийство? - Так как оно бывает следствием неверия в Бога и порочной жизни, то живая вера в Бога и жизнь по законам Его и заветам Церкви Божией, есть верный оплот против искушений на самоубийство. Кто не умом только признает существование Бога, но и чистым сердцем чувствует Его близость к себе, тот никогда не подумает о покушении на свою жизнь, благой дар Божий. Кто и саму жизнь полагает в осуществлении Божественного идеала: будьте совершенны, как Отец ваш Небесный совершен, тот не помыслит о том, чтобы отделаться от жизни, сколь бы продолжительна ни была она. Сознание ли своей греховности удручает верующего, он утешает себя мыслью, что Господь и на землю приходил для спасения грешников. Труды ли и тяжести выпали ему на долю в жизни, он надеется на упокоевание от Господа, Сознает ли он себя жалким и несчастным на земле и, подобно апостолу Павлу, желал бы освободиться от оков тела смерти, то и тогда не сам преступно лишает себя жизни, а ждет, пока Господь позовет его к Себе и упокоит в Своих обителях.

Но силен враг, и никто, конечно, не огражден от всевозможных искушений, между прочим, и от искушения на самоубийство. Сам праведный Иов, как мы видели, был искушаем на самоубийство. Если бы кто из нас подвергся сему искушению, то к сердечной молитве прибегнем для отгнания от себя страшного соблазна. Молитва и пост, то есть воздержная, трудолюбивая жизнь, по словам Иисуса Христа, - единственные средства для отгнания от себя диавола, с его искушениями и соблазнами. Помните Иисуса Христа, Который и Сам постом и молитвою побеждал искушения в пустыне, молитвой до кровавого пота подавлял в себе и последние искушения в жизни. "Не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого", - эти слова молитвы Господней должны быть всегда на устах и в сердце того, кто бывает искушаем на самоубийство. Подражайте святым угодникам Божиим, которые трудолюбием и молитвою отгоняли от себя соблазны. О преподобном Антонии, великом подвижнике и основателе монашества на востоке, повествуется, что, живя в пустыне, он обуреваем был многими и страшными соблазнами и искушениями. Один раз, изнемогая в борьбе, он вдруг видит перед собой подобного ему человека: человек сначала сидел и работал, потом встал на молитву, а помолившись опять сел за работу. "Делай так и спасешься", - было сказано Антонию ангелом Господним.

К тем же, кто считает самоубийство делом преступным, противным учению Христову, одна моя просьба, во имя любви к погибающим ближним, осуждайте, порицайте, негодуйте против самоубийства и в его совершении, и в замыслах и покушениях на него. Помните, что всякое доброе намерение спасти душу ближнего ценно в очах Божиих. А если кто, добрый и верный раб Божий, отвратит своего ближнего от самоубийства и направит его на путь добродетельной жизни, тот великим наречен будет в Царствии Небесном.

Павел Никольский. Главный виновник самоубийства – диавол²

Много преступлений совершают в своей жизни люди, но из всех этих преступлений едва ли не самое страшное, едва ли не самое тяжелое, это - намеренное лишение себя жизни или самоубийство. Самоубийство происходит по разным причинам. Иной, например, по какому-то случаю лишился всего своего имущества или потерял большую сумму денег. Тяжело стало у него на душе от большой утраты, отчаяние овладело им, он не вынес душевной тяжести и повесился. Иной тайно сделал какое-либо позорное дело. Оно обнаружилось и все начали издеваться над ним. Житья не стало человеку от насмешек и укоров, невыносима показалась ему жизнь, он пошел и бросился в реку. Иной лишился близкого и любимого человека. Тоска по умершему съела оставшегося в живых и жизнь ему стала не в жизнь, взял он, да и отравился. И много, много бывает причин, по которым люди лишают себя жизни. А в настоящее время часто бывают такие случаи, когда люди (особенно

² Печатается по изданию: Павел Никольский. Самоубийство. Тамбов, 1910.

молодежь) кончают жизнь самоубийством, можно сказать, почти без всякой видимой уважительной причины. Такие люди в своих предсмертных записках пишут, что "им надоела жизнь", что "незачем стало жить", что "нет цели, нет смысла в жизни" и тому подобное.

Здесь сам собой возникает вопрос - каким образом человек может дойти до самоубийства? Как у него может явиться мысль о столь страшном преступлении? Ведь хотя у человека и могут быть различные тяжелые и скорбные обстоятельства наподобие вышеуказанных, но ведь он создан Богом с любовью к жизни, с любовью к самому себе. По словам апостола Павла *никто никогда не имел ненависти к своей плоти, но питает и греет ее* (Еф. 5, 29), и вдруг вместо этого человек является ненавистником самого себя, не выносит своей жизни и кончает самоубийством.

На это нужно сказать следующее. Причины к самоубийству, о которых было сказано выше, только видимые, это внешний повод, и подобные причины могут быть, и бывают у всякого человека. У всякого человека бывает горе и даже горе великое, однако не у всех является мысль о самоубийстве и не все доходят до него. Стало быть, причина самоубийства другая, именно - страшная невидимая сила, которая при известных случаях напирает на человека и которой он весьма часто вследствие своего несчастного состояния (о нем будет сказано ниже) не может противиться. Страшная сила эта - исконный человеческий враг, дух тьмы, дух злобы, диавол. В нынешнее время многие, пожалуй, не верят в существование диавола. Некоторые говорят: "в Бога я верю, Бог существует; признаю я и Иисуса Христа, а диавола нет... На что он нужен?.." Но кто отвергает существование диавола, тот должен отвергнуть существование и Самого Иисуса Христа, как Богочеловека, ибо Христос сходил на землю затем, чтобы победить диавола и избавить род человеческий от его власти. Кроме того, во время Своей земной жизни Иисус Христос изгонял бесов (из людей), разговаривал с ними, как с личными существами, вошедшими в людей, и так далее. Да, если кто повнимательнее всмотрится в человеческую жизнь, он увидит, что диавол как во все времена, так и теперь, в наше время, проявляет себя в ней, несомненно. Диавол-то и есть главный виновник, как мысли о самоубийстве, так и самого самоубийства. Он был *человекоубийца от начала* (Ин. 8, 44), - сказал о нем Иисус Христос, - он соблазнил на грех наших прародителей Адама и Еву, внушив им мысль послушаться Господа и вкусить от плодов так называемого древа познания добра и зла, находившегося в раю, чем привел их к потере райского блаженства. Он и после падения первых людей вел весь род человеческий к гибели до появления в мир нашего Спасителя. И теперь постоянно стремится своими искушениями и своими соблазнами погубить каждого человека. Его заветное желание, его удовольствие и радость, это - гибель человека, к чему он направляет все свои старания, все свои силы и выискивает всякие способы. По словам апостола Петра *диавол ходит, как рыкающий лев, ища, кою поглотить* (1 Пет. 5, 8). И как только явятся благоприятные к тому обстоятельства со стороны человека, он сейчас же приближается к нему и внушает ему всякие пагубные мысли, которые в конце всего могут привести и часто приводят его к гибели. Внутренний голос тогда начинает говорить человеку, что никакого Бога в действительности нет, а потому не нужно никакой молитвы, что жизнь не имеет смысла и никакой цели, что со смертью человека все кончается и потому - все равно, как ни кончить свою жизнь и прочее и прочее.

Один человек рассказывал про себя следующее. Ложась спать, я стал молиться Богу. Вдруг у меня явилась злая мысль, - какой-то внутренний голос стал говорить мне: "Не молись, не нужно"; но другой голос напротив сказал: "Стой и молись". Далее, первый внутренний голос продолжал говорить мне: "Что молиться? ведь нет Бога, - кому же ты молишься, кто тебя услышит? Люди предоставлены самим себе, - никто им не помогает и никто их не слышит; вот и ты должен погибнуть". И вдруг на душе у меня стало невыносимо тяжело, положение мое стало мне казаться безотрадным, безнадежным, даже ужасным и я хотел, было уже бросить молитву, но другой голос продолжал настаивать на своем и говорить: "Стой и молись". В таком состоянии я был несколько времени, но потом, собравшись с духом, вдруг сказал: "Верую, Господи, помоги моему неверию", и лишь только

успел я проговорить это, как слезы градом брызнули из глаз моих, я упал на колени и получил какое-то неизъяснимо-радостное, блаженное настроение.

Так действует диавол по отношению к людям, вселяя в душу их внутренний разлад, который нередко приводит их к самоубийству, а вместе с тем и к вечной гибели. Но иногда диавол действует и старается вложить в душу человека пагубные мысли не духовным только способом, незримым и недоступным для глаз и слуха человеческого, а способом внешним. Нередко он зовет человека к гибели голосом человеческим, ясным, слышным для человеческого слуха, следовательно, действует на человека по-человечески. Тут уж ясно открывается его участие в деле человеческого самоубийства.

В первой половине прошедшего столетия в Петербурге в гвардии служил полковник Милонов³. По собственному его признанию, в молодости своей он был вполне неверующим человеком и отличался между своими товарищами большой разнузданностью. Все святое было ему нипочем - он кошунствовал над святыней, смеялся над всеми христианскими обрядами, отвергал саму веру в Бога и в вечную будущую жизнь. По обычаю молодежи того времени он любил кутежи и разврат. Напрасно старушка мать старалась вразумить его, напрасно она умоляла его остепениться и стать истинным христианином, ничего он не слушал. Мать только сокрушалась об этом и усердно молилась за него Богу, ибо была женщина глубоко верующая и благочестивая. Однажды после попойки в кругу товарищей Милонов с тяжелой головой вернулся к себе на квартиру, прилег отдохнуть, но не успел еще закрыть глаз, как услышал в своей комнате голос из-за печки, который говорил ему: "Милонов, возьми пистолет и застрелись". Это очень изумило его, и сначала он подумал, что кто-либо над ним шутит. Но, осмотрев комнату и никого не найдя, он решил, что это ему только показалось после попойки. Однако скоро голос опять послышался ему, причем на этот раз весьма настоятельно требовал, чтобы он взял пистолет и застрелился.

Встревоженный позвал Милонов денщика своего, солдата, и рассказал ему о случившемся. Денщик был человек верующий. Он стал советовать своему барину перекреститься и помолиться Богу, говоря, что это было ему бесовское наваждение. Милонов, давно не крестившийся и не молившийся, изругал своего денщика за такое предложение и только посмеялся над ним. "Ни Бога, ни беса нет", - сказал он денщику. Но денщик умолял его послушаться и снова стал советовать ему, чтобы он, когда послышится опять голос с требованием застрелиться, осенит себя крестным знаменем. "Тогда увидите, барин, - говорил денщик, - что и Бог и бес существуют: голос сейчас прекратится, ибо он ясно бесовского происхождения и хочет привлечь вас к самоубийству, чтобы навеки погубить вашу душу". Отпустив денщика и несколько успокоившись, Милонов скоро снова услышал прежний голос из-за печки и решил перекреститься. Голос мгновенно замолк и более не повторялся.

Это сильно подействовало на Милонова - он стал задумываться, стал вспоминать прежнюю жизнь свою. Невольный ужас напал на него при воспоминании о том, как разгульно и бесшабашно проводил он время. Тут же решил он навсегда расстаться с прежней жизнью и остальные дни посвятить покаянию. Нимало не медля, подал он в отставку, снял блестящий гвардейский мундир, надел простой овчинный тулуп и в нем пешком пошел в Киев с намерением поступить для покаяния в Киево-Печерскую лавру. Лаврское начальство, увидев полковника гвардии в простом тулупе, затруднилось принять его в число братии и предложило Милонову лично явиться к Киевскому митрополиту с просьбой о поступлении в монастырь. Митрополит очень удивился, увидев пред собой полковника в нищенской одежде, но когда Милонов откровенно рассказал ему все случившееся, митрополит посоветовал ему отправиться в пустынную обитель Глинскую (Курской губернии) к старцу игумену Филарету и под опытным его руководством подвизаться там в спасении своей души.

³ Милонова лично знал настоятель Святогорской пустыни, архимандрит Герман, полагавший начало своей иноческой жизни в Глинской пустыни. Он пользовался доверием Милонова и всю историю его слышал от него лично. Со слов Германа и сообщаются здесь о нем верные сведения.

Милонов так и сделал. В Глинской пустыни он проводил жизнь строго монашескую и был постник и молитвенник, каких мало. Он пережил игумена Филарета и уже при преемнике его, игумене Евстратии, блаженно почил о Господе.

Случается и так, что диавол, смотря по обстоятельствам, принимает человеческий образ и теми или другими видимыми действиями, видимыми искушениями, всячески старается привести человека к самоубийству. Это яснее всего показывает, кто - истинный виновник самоубийств. Событие, о котором я сейчас расскажу, произошло в Москве летом 1863 года. Одна почтенная дама, вдова, родом дворянка⁴, по своим домашним обстоятельствам принуждена была переселиться в Москву. Там у нее оставался порядочный капитал, на который она думала дать воспитание своим трем малолетним детям. Но каково же было ее удивление и горе, когда по приезде в Москву она узнала, что капитал весь был растрочен одним старинным другом ее отца, которому покойная мать ее вверила его на хранение. Вдове грозила безысходная нужда. Тяжело было у нее на душе. Для облегчения своей душевной тяготы она обратилась к молитве. Ежедневно ходила она к Никольским воротам, в храм Пресвятой Богородицы Владимирской и там пред иконой Ее изливала свою скорбь. В один из таких дней, в месяце июне или июле, она особенно усердно молилась Божией Матери. Душа ее успокоилась от молитвы. Но по выходе из храма мысли одна другой тяжелее полезли ей в голову. Все безотрадное положение встало пред ее глазами с особенной силой. Ей стало ясно представляться, как, издержав последние деньги, она будет ходить и просить чужой помощи, в которой ей будут отказывать, и как дети ее в лохмотьях, изнуряемые голодом, будут умирать на ее глазах. Не выдержала она этого, спокойствие ее пропало, и в душе забушевала буря. Сейчас же у нее мелькнула мысль, не доживая до этого, покончить с собой. Быстро и без какой-либо определенной мысли пошла она по Москве. Слезы текли ручьями по ее лицу. Не замечая, куда идет, она прошла несколько улиц и очутилась около церкви Василия Блаженного, близ Москвы-реки. Мысль покончить с собой не выходила из головы, но она не знала, как и где привести ее в исполнение.

Вот несчастная женщина вышла на набережную реки. Вдруг с левой стороны подле нее очутилась девочка лет 14 отвратительной наружности. Лицо ее было очень смугло, черные, небольшие глаза как-то пытливо заглядывали даме под шляпу; короткие черные волосы торчком лежали на голове, покрытой затасканным зеленым бумажным платком. Неприятна для женщины была такая назойливая спутница и она, желая избавиться от нее, ускорила шаги, но девочка не отставала ни на шаг. Та остановилась и наклонилась вниз, показывая вид, что завязывает шнурок своего башмака, и, думая, что в это время ее спутница уйдет вперед. Но девочка тоже остановилась и стала ждать ее, стараясь в то же время поближе заглянуть ей в лицо. Тогда женщина пошла еще скорей и, почти бегом перебежав набережную, вступила на мост, который ведет к Пятницкой улице. Мост тогда только еще отстраивался, железные решетки по бокам не были поставлены, по нему еще не ездили, а только ходили пешком. Однако девочка не отставала.

Был полдень. Погода стояла ясная, и на широком мосту было много народа. Желая отделаться от своей навязчивой спутницы, женщина нарочно пошла по середине моста и вмешалась в самую толпу. Каково же было ее удивление, когда, думая, что она наконец-то избавилась от девчонки, вдруг услышала над левым ухом голос, говоривший ей: "Посмотрите! вчера здесь с отчаяния бросилась с моста девушка и утонула; как было весело смотреть на воду, - она заструилась и широкие круги долго, долго разбегались по реке". Женщина оглянулась на звук этого голоса и увидела, что черномазая девчонка близко смотрела ей в глаза. Ей стало досадно от этой назойливости, и она побежала еще быстрее, но не успела сделать и пяти шагов, как с правой стороны тот же голос повторял ей: "Посмотрите же, - вот и круги видны от ее падения, они еще не пропали". В досаде на эту безотвязную цыганку женщина хотела снова уйти от нее, но почувствовала, что та тянула ее

⁴ Событие это было рассказано самой дамой священнику, а им было напечатано в журнале "Странник" 1863 г. месяц сентябрь. Имя, отчество и фамилия дамы в рассказе не указаны полностью - указаны только три начальные буквы: А.Н.К.

за полу ее длинной одежды и вместе с тем говорила: "Да взгляните же, где она утонула, очень весело было смотреть, - ведь она бросилась в воду с отчаяния". В эту минуту Царица Небесная, Которой она молилась в храме, сжалилась над нею. Она не допустила взору ее упасть на воду, ибо женщина, имея слабую голову, непременно упала бы в реку, лишь бы только увидела быстрое течение. Но вместо этого она подняла глаза вверх и, увидев по ту сторону моста крест, ярко сияющий на храме святого Иоанна Предтечи, как-то невольно перекрестилась. В этот момент, какой-то купец, шедший навстречу женщине, придерживая ее с левой стороны, сказал: "Ах, матушка! как вы опасно ходите, - малейший толчок и вы упали бы в воду". Не понимая еще опасности, от которой купец предостерегал ее, женщине опустила глаза вниз и содрогнулась. Тут только она увидела, что правая нога ее стояла уже на самом краю ничем не огороженного моста. Достаточно было только покачнуться в сторону реки, и она была бы уже в воде. Как ужаленная змеей она отскочила от края на середину моста. Сейчас же она вспомнила про свою назойливую спутницу, которая непонятно для нее самой успела стащить ее на столь опасное место, стала отыскивать ее глазами, но нигде не нашла. Тогда она стала спрашивать про нее у всех окружающих, но все отвечали, что такой девочки не встречали. Женщина побежала вперед, потом назад, но нигде ее не было. Все смотрели на женщину с удивлением и в один голос уверяли ее, что никакой девочки с ней не было. Как, куда и когда исчезла девчонка, кто она была и зачем привязалась именно к ней, а не к кому другому, - женщина в первую минуту не понимала. Только после, когда пришла в себя, она сообразила, кто скрывался под видом отвратительной девчонки... Вместе с тем она поняла и то, насколько была близка к вечной гибели, к которой так настойчиво вел ее исконный враг человеческого рода...

Обрадованная милостью Божией и вместе обессиленная от страха и душевных волнений, едва-едва добрела женщина до своей квартиры. Тотчас она вместе со своими малютками стала на колени пред иконой Божией Матери и от всего сердца возблагодарила Заступницу рода христианского за свое спасение. Мысль о самоубийстве у нее пропала окончательно; небывалое дотоле спокойствие водворилось в душе. С тех пор она стала еще набожнее, начала еще усерднее посещать храм Владимирской Божией Матери и благополучно дожила жизнь, а также благополучно устроила и судьбу детей своих.

Итак, вот кто главный виновник человеческих самоубийств и вот как он действует. Конечно, по своей ненасытной злобе, по своему никогда нескончаемому зложелательству диавол готов каждому человеку внушить мысль о самоубийстве и готов каждого человека довести до него, но к великому счастью нашему и по великой к нам милости Божией не ко всякому человеку он может иметь доступ с этим адским замыслом, не всякого человека может погубить этим навечно. Для такого адского замысла диаволу доступны, во-первых, те, кто глубоко погряз в одном только житейском, - в трудах, заботах и развлечениях. Ибо между нами есть много таких людей, которые только и живут для одного земного, - для одних земных благ.

Одни из таких людей с утра до ночи только и думают о своих житейских выгодах, за которыми они гоняются чуть не ежечасно, чуть не ежеминутно. Встав с постели и не перекрестившись как следует, человек бежит на двор, на поля, на луга, на базар, и целый день у него только и мысль, только и забота о том, как бы что-нибудь приобрести, как бы чего не упустить. Ему некогда подумать ни о Боге, ни о своей душе, ни о своих высших обязанностях к ближним, налагаемых на каждого человека Господом Богом. Праздничные дни он ставит ни во что. Люди в эти дни идут в храм Божий, а этому человеку не до храма, - его заела мысль и забота о хозяйстве и о всем житейском. Храм Божий - ему только помеха для житейских планов, для приведения их в исполнение.

Другие из таких людей (особенно - люди состоятельные), наоборот, всецело погружены в развлечения, всецело заняты мыслью о забавах и удовольствиях. С утра до ночи они только и перебегают от одного удовольствия к другому. Надоест им то или другое развлечение, они бросают его и выдумывают новое; прискучивает им и это, они обращаются к следующему, и так далее, без конца. И им так же, как и людям, погруженным в наживу, некогда подумать ни о Боге, ни о своей душе, ни о своих высших обязанностях к ближним.

Им так же, как и тем, храм Божий - помеха для разнообразных развлечений. Во время дневной службы Божией они то отдыхают от проведенных без сна ночей, то готовят что-нибудь новое для вечерних удовольствий.

Одним словом, те и другие люди всецело преданы земной суете, всецело поглощены одним только земным. Так как у таких людей все духовные способности всецело направлены к одному только низменному, то душа их становится неспособной ко всему высокому, становится неспособною к общению с своим Создателем. Вследствие этого спасающая благодать Божия, витающая близ каждого человека отдалается от него; отстраняется от него и ангел-хранитель. Вот тогда-то диавол и получает к человеку доступ и выискивает всякий подходящий случай, всякий подходящий повод к тому, чтобы сначала внушить человеку мысль о самоубийстве, а потом привести его и к самому самоубийству.

Обычно подходящим к тому случаю бывает какое-нибудь большое горе. Человек удручен, у человека лежит тяжелый камень на душе. Любовь к жизни на некоторое время у него пропадает, жизнь становится тяжелой. У человека, которого охраняет благодать Божия и ангел-хранитель и к которому, следовательно, не может подойти диавол, эта горечь, эта тяжесть от несчастья скоро сглаживается. Он скоро сживается с горем и снова вступает в обычную колею жизни: люди ведь созданы такими, чтобы с течением времени забывать всякое горе, хотя бы и тяжелое. Человеку же, от которого благодать Божия и ангел-хранитель отступили, - в то время, когда его посетило горе - войти в свою обычную колею жизни мешает диавол. Подступив к человеку, он с одной стороны в его мыслях усиливает это несчастье, старается показать, что несчастье очень и очень тяжело, даже непоправимо, что после этого несчастья жизнь для него погибла. С другой стороны диавол услужливо наводит человека на мысль, что есть легкий выход из этого тяжелого положения: стоит ему только накинуть на себя петлю или броситься в воду - вот и конец всему горю и несчастью. И если человек в это столь опасное для него время не принял никаких мер к защите себя, то он погиб: диавол доводит его до самоубийства.

Во-вторых, для адского замысла диавола, для привлечения им к самоубийству, доступны те, кто ведет жизнь полную пороков и преступлений, - например, кто сильно предан пьянству, разврату, чрезмерной жадности, зависти, кто склонен совершать и совершает клятвопреступление, убийство, кто бессовестно клеветает на своего ближнего, обкрадывает или всяким способом обирает ближнего своего. Таким людям при удобном случае диавол еще легче может внушить мысль о самоубийстве и довести до него, чем людям, только предавшимся чрезмерной суете. Ибо у людей, занятых чрезмерной заботой о земном - по большей части еще не утрачены ни совесть, ни вера в Бога. Стало быть, в душе их искра Божия совсем еще не погасла: она еще тлеет, хотя, может быть, и под грудой пепла. При благоприятном случае эта искра Божия еще может снова воспламениться, и даже разгореться в пламя и снова привлечь к человеку отошедшую от него благодать Божию и ангела-хранителя, а стало быть, - она может и не допустить к нему диавола с его адским замыслом, а если он уже успел подступить к человеку, то и прогнать его.

Совсем иначе обстоит дело у людей, всецело окупившихся в омут порочной и преступной жизни. У таких людей, - за малым исключением, - совесть уже сожжена, вера в Бога потеряна, никакой любви к ближнему уже нет. Одним словом, искра Божия совсем погасла. Благодать Божия, охраняющая людей, и ангел-хранитель для них, можно сказать, не существуют, вследствие чего диавол, доводя большинство из них до той или другой постыдной и нехристианской кончины, довольно значительную часть их приводит к самоубийству. От того-то такие люди легко относятся к столь преступному прекращению своей жизни. Намереваясь сделать какое-нибудь тайное преступление, - например, произвести растрату чужого (общественного или казенного) имущества, или отправляясь на какое-нибудь явно преступное предприятие, - например, на разбой, такие люди - заранее решают покончить с собой в случае, если исход их дела окажется неблагоприятным. Они даже намечают, как им это сделать.

Так, желающий произвести тайную растрату чужого имущества имеет наготове яд или револьвер, чтобы в случае обнаружения своего поступка поскорее принять этот яд или

поскорее пустить пулю себе в лоб. Идущий на разбой десять пуль готовит на своего ближнего, которого он идет грабить и убивать, а одну или две пули - для себя, чтобы в случае явившейся опасности быть схваченным, не дожидаясь этого, поскорее покончить с собой. Так близок к этим людям диавол. Он является полным господином над ними, полным распорядителем их жизни. А иногда он даже вселяется в них всем своим существом, а потом, овладев их душой, доводит и до самоубийства, как это случилось с корыстолюбивым Иудой Искариотом, предавшим Иисуса Христа иудейским первосвященникам за 30 сребреников.

В-третьих, для привлечения к самоубийству диаволу доступны дети людей порочных и преступников. Родители своим воровством и хищением, ростовщичеством и взяточничеством, пьянством, развратом, разбоями и убийствами, своим безбожием и кощунством и прочими пороками и преступлениями - навлекая на себя гнев Божий, вместе с тем навлекают его и на свое потомство, на своих детей. Ибо Господь Бог, как обещал Он Сам, *наказывает детей за вины отцов до третьего и четвертого рода* (Исх. 20, 5). Стало быть, беззакониями удаляя благодать Божию и ангела-хранителя от себя, беззаконники удаляют их тем самым и от своего потомства, от своих детей. Отсюда, дети их вполне доступны диаволу и вполне беззащитны. В этом случае они находятся даже в худшем, даже в более печальном положении, чем их родители. Ибо их родители, происходя от своих родителей, не столь порочных, каковыми они стали сами, по крайней мере, в своем детстве не были чадами гнева Божия, по крайней мере, в своем детстве не были лишены благодати Божией. Этой благодати они лишились уже позже, когда во время своей жизни (иногда довольно продолжительной) наделали много преступлений, когда в течение ее вполне окунулись в омут всякого порока и разврата. А их дети, как порождения людей уже порочных и лишившихся благодати Божией, с самого малолетства не имеют благодати Божией и если лишены правильного, разумного, религиозно-нравственного воспитания, то с самого малолетства являются почти беззащитными и легко доступными диаволу. А если кто из них, вступая понемногу в жизнь, и сам со своей стороны начинает жить порочно и к беззакониям родителей, которые легли на его голову, и сам от себя прибавляет еще немало беззаконий, такой и вовсе ничем не огражден от диавола. С самого малолетства, уничтожая большое число таких людей всевозможными способами (различными повальными детскими болезнями, огнем - при пожарах, водой - при падениях в реку и прочими), диавол многих из тех, которые пережили детство и вступили в юношеский возраст, легко успевает довести до преступного конца.

Оттого-то в последнее время и бывает так много случаев самоубийства в среде нашей молодежи. Теперь мы постоянно слышим и видим, что один молодой человек застрелился, другой зарезался, третий повесился. Или, что одна девушка бросилась в воду, другая выпила отравы, третья бросилась под поезд железной дороги. Кончают самоубийством не только юноши и девушки в 17-18 лет, но даже чуть не отроки и отроковицы, в 10-11-12 лет. Так успешно действует диавол между нашими детьми... Конечно, такое самоубийство происходит как бы не просто, как бы не без благовидной и надлежащей причины или повода. Таковую причину и такой повод диавол найдет. Для него все дело только в том, чтобы иметь свободный доступ к юноше или девице, а за подставлением причин и поводов к самоубийству у него дело не станет, он найдет их всегда и сколько угодно.

Поэтому-то мы видим и слышим, что один юноша кончит самоубийством потому, что безумно полюбил молодую девушку, а она от него отвернулась и не ответила на его любовь. Другой покончил свою жизнь потому, что совершил неприглядное дельце против своих товарищей, а оно открылось и ему стало стыдно смотреть им в глаза. Третий - потому, что счел себя незаслуженно оскорбленным, а отомстить за свое оскорбление почему-либо не мог. Девиц приводят к самоубийству - тоже отвергнутая мужчиной любовь, потеря девической чести, неполучение желаемой свободы в семействе, бедность и трудность содержания себя. У детей в 10-11-12 лет поводом к самоубийству служат: плохая отметка учителя за неприготовленный урок, выговор начальника за плохое поведение (особенно, если этот выговор был произведен в присутствии всех товарищей), наказание родителей за проступок или шалость, боязнь получить такое наказание. И мало ли каких причин или поводов может

подставить диавол для вовлечения детей беззаконника к самоубийству? Имея более или менее свободный доступ к ним, он соблазнами прежде вовлечет их в те или другие тяжелые и несчастные (а то просто и кажущиеся для них таковыми) обстоятельства, а потом уже эти обстоятельства в глазах их он представит особенно несчастными, особенно важными, - такими, вследствие которых человеку не стоит больше жить, вследствие которых человеку скорее нужно покончить с собой, чтобы больше не мучить себя и окружающих.

Иногда диавол наталкивает молодежь на самоубийство как бы по высоким побуждениям, по причинам, по-видимому, высокого свойства. Так, например, некоторые кончают с собою потому, что видят между людьми много зла, следовательно, как бы не выносят пошлости человеческой жизни, как бы вследствие высоты и чистоты своей души не могут помириться с человеческой неправдой, царящей на земле. Выходит, что человек является как бы выше всех других, следовательно, ему как бы нечего делать на грешной земле. Так может обольстить диавол. А некоторые кончают самоубийством и просто потому, что им "надоело жить", что они "не находят цели и смысла в жизни". (Человек еще и не жил, а уже ему надоела жизнь!!)

Это можно объяснить так. От родителей за беззакония их дети не получили надлежащего здоровья телесного и душевного, не получили хорошего, здорового самочувствия, не получили **любви к жизни**. Вследствие этого жизнь для них является ненужной и нежеланной, особенно, если она по тем или другим обстоятельствам складывается не вполне хорошо, - не так, как им бы хотелось. Этим недовольством их пользуется диавол и, имея более или менее свободный доступ к ним, легко наводит их на мысль, что "им не для чего жить", что "нет смысла в жизни" и что самым лучшим исходом для них будет могила. Несчастные молодые люди скоро поддаются на это и в итоге совершают самоубийство.

Вот какие поводы и вот, сколько их может найти диавол для тех юношей, девиц и отроков, к которым он получил доступ по вине их родителей. Между тем, родители не понимают этого. Видя в гробу своего молодого сына или свою молодую дочь, может быть, единственную опору своей старости, они горько плачут и, отыскивая причину происшедшего, винят в этом и того и другого, винят и людей, и различные несчастные обстоятельства, между тем как главные и, можно сказать, единственные виновники этого - они сами.

Впрочем, иногда по попущению Божию диавол при своей неизмеримой адской хитрости успеваеt внушить мысль о самоубийстве и людям, имеющим за собой те или другие добродетели и показывающим даже некоторую благочестивую настроенность (как, например, той женщине, которая, чуть было, не упала с моста в Москву-реку). Но у таких людей мысль о самоубийстве бывает мимолетной: она не крепко укореняется в сердце. При первом благоприятном случае она скоро выходит оттуда, и человек отрезвляется. Поэтому такие люди не доходят до самоубийства. Мало того, после искушения дьявольского они становятся еще более благочестивыми, чем были прежде, так что искушение им приносит одну пользу, почему и допускается для них Господом.

Здесь кто-нибудь может спросить, почему же не все люди, к которым диавол имеет, по-видимому, одинаковый доступ, кончают самоубийством? Ибо мы часто видим, что некоторые люди ведут, по-видимому, одинаковую жизнь или являются детьми одинаковых преступников и развратников, между тем одни из них кончают самоубийством, другие - нет. Что же это значит?

Разгадка этого недоумения кроется в обстоятельствах жизни того или другого человека и ее всегда можно найти, если только глубоко проникнуть в жизнь этого человека. Ибо у многих людей могут быть и часто бывают благоприятствующие обстоятельства, которые так или иначе помогают им удержаться от самоубийства. Так, например, два человека одинаково плохой нравственности, или два одинаковых по своим действиям преступника могут отличаться друг от друга по своей воле. Один имеет твердую волю, другой - слабую, вследствие чего последний, в случае каких-нибудь несчастных обстоятельств, скорее может поддаться искушению диавола, прибегнуть к самоубийству, чем

первый. Это - во-первых. Во-вторых, один, совершая различные преступления, всякий раз может чувствовать угрызения совести и раскаиваться.

В своей душе сознавая свою виновность (хотя бы его раскаяние и не приводило к исправлению жизни). Другой же - человек озверелый: его душу нисколько не трогают людские страдания, которые он причиняет своими преступлениями. Первый все-таки выше второго и заслуживает некоторой Божественной милости по сравнению с ним. В-третьих, за одного, может быть, какой-то родственник приносит Господу Богу то или другое ходатайство (помолится, подаст на проскомидию просфору о его здравии), за другого же никто этого не делает. Первый все-таки имеет около себя больше постоянной охраны Божественной благодати, чем второй. В-четвертых, за заслуги того или другого человека, угодившего Господу своими добродетелями, Господь Бог обещал миловать его потомков, смотря по важности этих заслуг, даже *до тысячи родов* (Исх. 20, 6). И вот, иной преступник, может быть, имеет среди своих предков человека добродетельного, за которого ему и оказывается некоторая милость (говорим "некоторая", потому что за свои преступления он все-таки даст заслуженный им ответ Богу) и диавол к нему не может подступить так близко, как к другому, такому же преступнику, но у которого нет этого счастливого обстоятельства. И много может быть у людей благоприятствующих обстоятельств, благодаря которым они не доходят до самоубийства, хотя, по-видимому, и должны бы дойти (если сравнить их с окончившими жизнь свою преступно). Всей глубины жизни каждого человека мы не знаем и не можем знать: она известна только одному Богу.

Велик и тяжел грех самоубийства, - так велик и тяжел, что, кажется, нет другого, равного ему по тяжести, греха. Человек не может самовольно распоряжаться, когда ему кончать свою жизнь. Распорядитель этого - Господь Бог; Он дал человеку жизнь, Он и возьмет ее от человека обратно, когда это будет нужно, когда это будет угодно Его Промыслу. А раз человек самовольно кончает с собою, самовольно отнимает у себя жизнь, тут является одно из двух, - или явное, намеренное противление Богу или полное неверие в Его существование. То и другое - великий и непростительный грех. В самом деле, может ли заслуживать какого-либо снисхождения, а тем более - прощения, явное сознательное противление человека Богу? Ведь человек, лишаящий себя жизни, как бы так говорит Господу Богу: "Что мне до того, что Ты не велишь распоряжаться своею жизнью по своему усмотрению? Мне нет дела до Тебя, а потому, как мне нравится, так я и поступаю с собою". Не заслуживает никакого снисхождения и прощения также и неверие в Бога. Жизнь человеческая дает нам столько доказательств бытия Божия, что всего нельзя пересказать и описать. Особенно много доказательств представляет нам жизнь христианина, члена Христианской церкви. В Христовой церкви совершается множество чудес и чудес разительных, - только слепец или намеренно закрывший глаза не видит их. Да, наконец, существование самого человека, существование видимого мира с его дивными красотами уже есть чудо, показывающее существование великого Создателя вселенной. Как же не верить в Господа?

Кажется, никто из грешников в будущей жизни не будет так тяжело мучиться, как самоубийца. Будущее мучение самоубийцы, по сравнению с мучением других преступников и беззаконников, усугубляется еще вследствие двух причин. Именно всякий преступник и беззаконник, а особенно - великий, за свои преступления и беззакония получает себе в той или другой мере возмездие еще на земле. Стало быть, тем или другим мучением, тем или другим наказанием, понесенным в земной жизни, он, хотя отчасти оплатит за свое преступление. Потому в жизни будущей, если он и получит себе возмездие, все-таки оно будет назначено ему несколько легче. Для самоубийц же возмездие во всей своей полноте остается на будущую жизнь. Во-вторых, за всякого преступника и беззаконника, умершего по-христиански, можно совершать церковный помин. От этого душе его будет большое облегчение. За самоубийцу же, если он лишает себя жизни в здравом уме, по Церковным правилам никакого помина совершать не положено. Вследствие всего этого самоубийц в будущей жизни ожидает наказание более тяжелое, чем какое достанется на долю других беззаконников.

Один старичок рассказал своему приходскому священнику следующее⁵. "Был у нас храмовый праздник Димитриев день (26 октября). А известно, что у нас как праздник, так и пьянство. Отец мой любил выпить. Мне в ту пору было лет восемь или девять. Как теперь помню, к нам пришли гости; отец подгулял с ними и с ними же пошел к отделенному от семьи своему старшему сыну. Вздумал и я пойти туда же. Между домами был у нас переулочек, такой тесный, что человеку только пройти. Бегу я мимо этого переулочка и вижу, что отец-то мой и висит в петле на какой-то перекладинке. У меня ноги и подкосились: страшно испугался я. К тому же показалось мне, что возле отца стоит какое-то страшилище, черное, большое, щетинистое, а глаза у него, как угли раскаленные, так и сверкали. Я собрал все свои силы и бросился в дом к брату. Пьяные гости там шумели, пели песни, кричали. Я, насилу переводя дух, объявил им о том, что видел. Брат и все гости в испуге бросились в переулочек и увидели отца в петле. Посудили, порядили, да тут его и оставили, только на ночь нарядили караул. Не помню, долго ли тут караулили его, но, наконец, по приказу начальства похоронили в лесу и не отпевали, Крепко жаль было мне отца, и часто думал я о нем. А когда я вырос, да женили меня, и стал я жить и работать, то отец и вовсе не сходил у меня с ума. И начал я по ночам молиться Богу, чтобы Он открыл мне, где теперь отец мой. Вот однажды я вижу во сне, какой-то человек спросил меня: "Ты хочешь знать, где твой отец?" Я говорю: "Да, желал бы увидеть его". - "Пойдем со мною", - сказал тот. Долго мы шли, не умею сказать, где это было, точно в каком-то темном лесу. Только, чем ни дальше мы шли, тем земля под ногами становилась все горячее, так что жгло ноги. Наконец, дошли мы до такого места, где из земли выходил сильный огонь, и на большой долине слышу я шум и треск. Мой проводник подводит меня ближе и ближе, даже против моей воли. Мне уже стало страшно и невыносимо от жару. Вижу, в пламени постоянно показывались люди; их выбрасывало из пропасти, как будто вместе с огнем, а потом они опять низвергались в огненную бездну. Лицо и все тело их были черны, как уголь. Стоны и вопли их были ужасны. "О Господи! - сказал я, - вот где, видно, мучатся грешники!" - "Тут и твой отец", - сказал мне мой проводник". Какие же меры нужно принять человеку против самоубийства? Что нужно делать человеку, чтобы избежать его? Трудно бывает бороться человеку, когда у него уже появится мысль о самоубийстве. А потому, первая и самая главная обязанность, это - заботиться о том, чтобы не дерзнуть даже и помыслить о возможности насильственно покончить с собой. Для этого с одной стороны, каждый христианский ребенок должен получать хорошее, христианское воспитание. С другой стороны, и каждый взрослый, ответственный за свои поступки, должен стремиться быть истинным христианином, укреплять свою веру в Бога, держаться уставов Святой Церкви. Истинному христианину не придет в голову мысль о самоубийстве. И если бы он по своей человеческой слабости, вследствие несчастных жизненных обстоятельств и пал, если бы диавол адской хитростью нашел бы доступ и к нему, как-нибудь успел бы вложить ему мысль о самоубийстве, то Божественный Промысл, охраняющий всякого благочестивого человека, не оставил бы его без поддержки, на произвол судьбы, не дал бы диаволу восторжествовать над ним. Господь Сам пришел бы ему на помощь, Сам, Своєю благодатью, чрез ангела-хранителя или чрез кого-либо из Своих угодников спас бы его от лютости врага рода человеческого, - и такое борение с дьявольским искушением послужило бы человеку только на пользу.

У московского купца Адриана Налетова служил приказчик Василий Дурденевский. Он был человек весьма честный и совестливый, и хозяйское добро берег, как свое. Налетов торговал бумажной пряжей, посылая ее на возах по деревням и продавая на базарах. Этой торговлею и заведовал Дурденевский. В двадцатых годах девятнадцатого столетия такая торговля была в большом ходу. Переезжая с возами из одного села в другое, Дурденевский, по множеству покупателей, занятый отпуском товара и расчетами, не мог на месте продажи проверять ни вырученных денег, ни количества проданного товара. Он делал это по вечерам, когда останавливался на постоянных дворах для ночлега. Однажды ночью, проверяя вырученные деньги и наличный товар, он не досчитался 10 пудов пряжи на сумму около

⁵ "Странник", 1866.

1300 рублей ассигнациями. Это чрезвычайно встревожило его. В это время ему нужно было возвратиться к своему хозяину в город Шую Владимирской губернии, Как человек весьма честный, совестливый и больше всего опасавшийся подозрения от своего хозяина в обмане или краже, Дурденевский не знал, что делать. Чем дальше он припоминал, куда девалась пряжа, и чем больше думал, как он объяснит хозяину свою потерю, тем больше смущался и находил свое положение безвыходным. В отчаянии он решил лишить себя жизни, - утопиться ночью в реке, которая была на пути в Шую. Поднявшись рано с постоянного двора в том же смятении духа, Дурденевский, не доезжая еще до реки, от изнеможения уснул в телеге. Во сне он видит старца, который говорит ему: "Что это ты хочешь делать? Ты забыл, что пряжу ты отпустил такому-то (при этом старец назвал и имя покупателя)". Дурденевский тотчас же проснулся и вспомнил, что действительно этому покупателю он отпустил в долг 10 пудов пряжи, по его мнению, пропавшей. Придя в себя и осмотревшись, он заметил, что реку, в которой он хотел утопиться, он уже проехал, и лошадь его сама собою остановилась против ворот Николо-Шахминского монастыря (в Шуйском уезде). На монастырских воротах он увидел икону святителя Николая Чудотворца, и вразумление, полученное им во сне, не мог приписать никому другому, кроме святителя Николая. С тех пор до конца своей жизни он с особенным благоговением чтит святителя Николая и ежегодно накануне праздников, установленных в честь этого святого, приглашал в свой дом священника для совершения всенощной, а также молебна угоднику Божию⁶.

Если человек будет жить честно, благочестиво, по-христиански, он не только сам будет окружен благодатию Божиею, охраняющей людей от диавола, но и дети его вместе с ним получают эту охрану. Иначе не только сам он никогда не доведет себя до преступного конца, но и детей своих спасет от него. Вот первое средство от самоубийства.

Но это средство, так сказать, предварительное, предохраняющее от желания покончить самоубийством. Что же делать человеку, если это желание уже явится у него, если он вследствие ли своего плохого воспитания, или вследствие уклонения с правильного жизненного пути не смог, не сумел предохранить себя от него, или иначе, - что делать человеку, если диавол нашел к нему доступ и успел внушить ему преступную мысль о самоубийстве? Можно ли предпринять что-нибудь тогда и удержать себя от столь преступного конца?

Так как у желающих покончить с собою обычно появляется невыносимая тяжесть на душе, тоска, отчаяние, отвращение к жизни, то некоторые, думая все это изгнать из себя, а вместе с этим удалить и засевшую мысль о самоубийстве, прибегают к различным развлечениям и удовольствиям. Но это не поможет человеку. Пожалуй, развлечения и удовольствия иной раз могут сослужить ему службу, но только в том случае, когда мысль о самоубийстве у него мимолетная, как бы случайная (да и то не всегда). Но раз эта мысль у человека засела твердо, так сказать, укоренилась, то всякие развлечения, всякие удовольствия, всякие забавы и утехи скоро надоедят ему.

Против желания покончить с собою нужно средство другое. Именно. Главный виновник человеческих самоубийств есть диавол. А против диавола средство одно, - обращение к вышней помощи, молитва к Богу. Но тут нужно сказать, что людям, чтобы избавиться от навязчивой мысли о самоубийстве, приходится молиться Богу, приходится просить Его не в равной мере, приходится приносить Ему молитву, так сказать, не одинаковой силы. Одному достаточно произнести вслух всесильное имя Господа Иисуса Христа или сотворить крестное знамение - и мысль о самоубийстве, а с нею и опасность его, сейчас же исчезнет. Другой же молится, и все-таки не может избавиться от неотвязного желания покончить с собою. Все дело в том, насколько человек в данное время удален от благодати Божией и от ангела-хранителя своего, которые охраняют христианина, - удален по своей ли вине, благодаря своим незаконным делам, или по вине своих родителей-незаконников. Другими словами, все дело в том, как близко подступил к человеку диавол. Если диавол, успев внушить человеку мысль о самоубийстве, держится от него все-таки в

⁶ "Душеполезное чтение", 1861.

некотором отдалении, если он не смеет, следовательно, не имеет еще силы приступить к нему близко, то человеку придется употребить борьбы с своим преступным желанием меньше. Если же, наоборот, диавол подступил к человеку близко и, так сказать, в значительной мере овладел им, то тут требуется упорная борьба, требуется усиленная молитва к Богу о своем спасении, - и при том, смотря по большей или меньшей близости диавола к человеку, и борьба должна быть более упорная или менее упорная, а также и молитва к Богу - более усиленная или менее усиленная.

А то нередко у нас случается так, что некоторые охваченные неодолимым желанием покончить с собою, сходят два-три раза в храм, помолятся Богу (может быть, даже и без особенного усердия), а потом, так как мысль о самоубийстве не покидает их, приходят в отчаяние и говорят: "Я молился Богу, просил Его избавить меня от самоубийства, но Он не избавляет. Что ж пользы от молитвы, когда она не помогает?" Каждому из таких людей нужно сказать: "Вот что человек! Было время, когда желания покончить с собою у тебя не было. Это значило, что около тебя были благодать Божия и твой ангел-хранитель, которые охраняли тебя от всего пагубного, от всех козней вражьих. Но ты своими беззакониями отогнал их от себя, ты сам все сделал, чтобы твои охранители удалились от тебя. Они и удалились. Теперь, если хочешь, чтобы от тебя отступило преступное желание самоубийства или иначе, если хочешь, чтобы к тебе снова вернулись и благодать Божия, и твой ангел-хранитель, то заслужи их снова. Ты удалял их от себя долго: по милости и долготерпению Божию они долго не хотели уходить от тебя; так и теперь ты должен заслуживать их долго. Господь Бог хотя в бесконечной мере и милостив, но Он в бесконечной мере и справедлив, правосуден. По этой справедливости Своей, по этому правосудию Своему Он потребует от тебя и соответствующих усилий, соответствующих трудов и молений о возвращении тебе Своей благодати и твоего ангела-хранителя".

Да и в самом деле, нельзя же думать так, что беззаконничал-беззаконничал человек, отгонял-отгонял этими беззакониями своих охранителей, а потом, когда потребовались оные охранители, то вдруг и подавай их ему по первому его прошению. Так не бывает даже у людей, которые не особенно склонны соблюдать точную справедливость, тем более так не будет у Господа Бога, Существа бесконечно справедливого и правосудного.

Потому, человеку, которым овладело непреодолимое желание покончить с собою, нужно настойчиво, усердно просить Господа Бога о помощи, нужно настойчиво, усердно просить Его, чтобы Он возвратил Свои дары, от которых человек в свое время отказался: благодать Божию и ангела-хранителя. Человек должен ходить в храм к службе Божией не раз и не два, как делают это некоторые, а постоянно. Он должен обратиться к пастырю Церкви и просить его молитв о себе, вместе с тем прибегнуть к спасительным Таинствам - Покаянию и Причащению, в которых подается людям благодать Божия, очищающая от всякой греховной скверны и нечистоты. В случае, даже если и то не поможет (что, впрочем, случается редко), то нужно обратиться к особенным молитвенникам Христовой Православной Церкви, - кого удастся найти. И уже у них просить за себя молитв к Господу Богу. Господь Бог не отринет ищущего и просящего, - если не ради молитв его самого, то ради молитв Святой Церкви, ради молитв пастырей и молитвенников Господь избавит его от самоубийства. Тоска человека, тяжесть душевная, отчаяние пропадут сами собой, в душе его воцарятся мир и спокойствие. Вместо тоски и тяжести, вместо отчаяния наступит радостное, блаженное состояние, и человек сам будет удивляться тому, как он мог дойти до мысли о самоубийстве, будет даже содрогаться душой, как он смел и помыслить о таком великом грехе. Милость Божия безгранична, нужно только не унывать и не отчаиваться, нужно только обращаться к Подателю всех благ, Господу Богу.

Но нередко человек, у которого появилась мысль о самоубийстве, доходит до такого душевного состояния, что сам по себе вовсе не имеет охоты освободиться от этого преступного желания. Диавол настолько овладевает человеком, что тому кажется даже некоторым блаженством поскорее покончить с собой: по крайней мере, в своем насильственном прекращении жизни он думает найти вечное успокоение от охвативших его тоски и отчаяния. Тогда всякое старание окружающих отговорить, удержать человека от

самоубийства для него будет неприятно; всякую попытку ближних остановить его он будет считать даже неприязнью к себе, непрошенной помехой своему, как ему думается, благому начинанию. Как быть с таким человеком? Что делать с ним?

В этом случае на помощь ему должны прийти близкие и знакомые, люди, любящие его. И прийти на помощь должны опять-таки главным образом средствами духовными, - молитвою за него Богу и испрашиванием ему высшей помощи. Прося Господа Бога, они должны обратиться также с просьбой к священнику, чтобы и он помолился за несчастного, так или иначе постарался бы уговорить его самого обратиться к Богу, к святым таинствам Церкви, если, конечно, человек не потерял еще способности сознательно исполнить это). И общая молитва, общее старание родных несчастного вместе со священником, при помощи Божией, приведет к желанной цели, по слову апостола Божия: *Молитесь друг за друга, чтобы (вам) исцелиться* (Иак. 5, 16). Ведь молитву за других, за своих близких Господь Бог охотно принимает, как Он показал это чрез Своего Сына. Иисус Христос по просьбе родных и близких изгонял бесов, исцелял всяких больных и расслабленных, например, изгнал беса из дочери хананейки, исцелил сына царедворца, исцелил слугу Капернаумского сотника. Как Иисус Христос делал это во время Своей земной жизни, так и теперь Он по усердной молитве родных и пастыря Церкви избавит человека от самоубийства - от задуманного великого зла, от козней восторжествовавшего над ним дьявола.

Примеры тому в нашей жизни нередки. Священник Антоний Манжелей рассказывает следующее⁷. В его приходе жил один крестьянин, который занимал должность домашнего сельского землемера. Часто бывая на мирском сборе, где обычно все дела решаются с рюмкой, землемер до того привык к водке, что, кажется, не мог без нее жить. Когда на сборе ему выпить почему-то не приходилось, он заходил в кабак и напивался пьяным уже здесь. Жена его, женщина умная и рассудительная, постоянно, когда он бывал трезв, умоляла его бросить водку, но ее мольбы только раздражали землемера, и он стал ненавидеть ее, а так как вместе с ней об этом же просили его дети, то, в конце концов, ему стало ненавистно все семейство. Ненавидел он и родителей жены, - своих тестя и тещу, - которые, часто бывая у него, тоже делали попытки отучить его от водки. От ненависти к окружающим он впал в какую-то тоску. День ото дня ему становилось тяжелее и он начал пить больше и больше, а скоро решил: "Все равно, мне назад уж не возвращаться; оставить водку не могу, семейству я опротивел. Для чего же мне жить? Лучше покончу с собой". При этой мысли он стал веселее, и начал обдумывать, как исполнить свое намерение без какой-либо помехи. Жена, заметив такое его решение, зорко следила за ним и не оставляла ни на минуту, ни днем, ни ночью. Однажды, выйдя из избы, он взял в сенях веревку и пошел в скотный загон, чтобы там повеситься. Увидев это, жена бросилась туда. Но, по ее словам, в загоне она в первую минуту увидела не мужа, а какое-то страшное чудовище. Ею овладел страх. А тут еще два вола и корова, находившиеся в загоне, тоже испугавшись чего-то, подняли рев и бросились обнюхивать землемера. Тот так сильно ударил кулаком по носу одного вола и корову, что у них из ноздрей полилась кровь. Все это до того испугало несчастную женщину, что она вместо того, чтобы спасти от самоубийства своего мужа, убежала в избу. Тем временем землемер, привязав к перекладине веревку и сделав из нее петлю, набросил ее на свою шею. Но Господь Бог, очевидно по молитвам жены и детей не дал совершиться беде. Едва успел землемер повиснуть, как старший сын его, ничего не зная, принес корм для скота и хотел войти в загон. Увидев своего отца висевшим, он бросил корм и побежал к матери. Та побежала к соседям. Сбежался народ. Наскоро перерезали веревку, и удавленник упал на землю еще теплый, но совершенно без дыхания. Все бросились на колени, прося Господа Бога и Его Пречистую Матерь о помиловании несчастного. Святой Крещенской водой брызнули в лицо бездыханного, и несчастный грешник ожил. Мутным взором окинул он всех присутствовавших, и вместо слов и слез благодарности из уст его полилась брань.

Придя в себя, он еще больше возненавидел жизнь и свое семейство. Ему хотелось умереть, во что бы то ни стало; слезы и просьбы семейства, стоявшего пред ним на коленях,

⁷ "Душеполезное чтение", 1866, июль.

не в силах были умягчить его. С криком он убежал в сборню, где потребовал, чтобы его отправили в волость, что и было исполнено сборнею до рассвета другого дня. Отправив мужа с надежным караулом в волость, жена поспешила к священнику. Тот посоветовал ей немедленно отправиться вслед за своим мужем и там обратиться к местному священнику, к которому ей дал письмо. В письме священник просил своего собрата употребить все старание, чтобы отговорить несчастного от его пагубного намерения и наставить на путь истинный. В волости добрый священник, получив письмо от сослуживца, с жаром принялся за обращение грешника. Но дело почти не подвигалось. На все доводы и убеждения священника землемер говорил одни грубости. "Какое вам дело до меня? - кричал он в исступлении, - Я вас не трогаю, - отвяжитесь от меня". Поговорив с ним часа три и кое-как убедив его перекреститься с полным пониманием три раза, священник ушел, посоветовав его родным, а особенно жене с детьми, быть при нем неотлучно и обращать свой мысленный взор к Господу Богу, дабы Он, Милосердый, коснулся Своею благодатию его ожесточенного сердца.

Озлобленный и все больше и больше желавший себе смерти, как какого-нибудь благодеея, землемер упорно стал требовать отправить его в уездный острог, надеясь по дороге найти какой-нибудь удобный случай покончить с собой. Но все родные по общему уговору усиленно стали просить его отправиться с ними в церковь, чтобы выслушать молебен с водоосвящением, на что он после долгих упрашиваний, наконец, согласился. Церковь была уже растворена, и в ней землемера ожидал священник с причтом. Начался молебен. Во время водоосвящения священник пригласил землемера преклонить колена. Тот повиновался. В эту же минуту у него на сердце стало легче и теплее, так что он мысленно произнес: "Боже, буди милостив ко мне грешному!" - и с этими словами пал на землю. Вдруг на него напал такой страх, что он вскочил и готов был уже кричать или бежать из церкви. Но священник кротко сказал ему: "Молись, друг!" Эти слова священника заставили землемера снова упасть и снова произнести ту же молитву: "Боже, буди милостив ко мне грешному!" По телу у него пошла необыкновенная дрожь, и он весь затрясся. Священник, обратившись к народу, наполнявшему храм, сказал: "Будем все молиться!" Вместе с тем он сказал и несчастному: "Молись и ты, друг!" При этих словах землемер затрепетал и, пав на пол храма, громко закричал: "Боже, буди милостив ко мне грешному!" Слезы полились из его глаз. А когда священник, погрузив в чашу святой крест, поднял его и троекратно осенил им голову землемера, омочив ее водой, то все присутствовавшие и сам землемер увидели, что над ним появился столб дыма. С этих минут во все остальное время молебна землемер чувствовал себя все лучше и лучше. В сердце у него появилась какая-то особенная, благодатная теплота и он зарыдал, как ребенок... От радости и умиления плакали и все присутствовавшие.

После этого землемер впал в сильное изнеможение; его вынесли из церкви на руках. Теперь он уже не захотел ехать в острог, чего прежде так домогался. Ему все стало дорого и мило, - и все родные его, и семейство, и брошенное им хозяйство, так что он с радостью возвратился домой. По совету своего священника он стал говеть, а потом после нескольких посещений храма он исповедался и причастился святых Тайн. С этого времени землемер бросил пить водку и стал вести добродетельную жизнь⁸.

Дорогой читатель! Никогда, ни при каких обстоятельствах не поддавайся дьявольскому искушению покончить с собой. Вынеси все - и стыд, и позор, и безысходную нужду от бедности, и тюрьму, и каторгу, и страшное душевное мучение, но не кончай жизни самоубийством. Всякое земное мучение, какое приводит человека к самоубийству, есть

⁸ Случается иногда, что люди кончают с собою в расстройстве умственных способностей или в умопомешательстве. Хотя, по-видимому, самоубийство здесь является случайным, но без участия духа злобы и туг не обходится дело. Нужно думать, что предшествующая жизнь человека не была высока нравственно и давала доступ к нему дьяволу, и если дьявол по тем или другим причинам не успел привести человека к самоубийству в здравом его состоянии, то он нашел возможность сделать это в то время, когда тот впал в умопомешательство.

тысячная доля того, что придется терпеть ему в будущей жизни за это преступление. А чтобы сбросить с себя невыносимую душевную тяготу, толкающую людей покончить с собою (в случае, если появится она), обратись к Заступнице рода христианского и проси Ее помочь тебе в твоём несчастье, проси Ее избавить тебя от беды. Может быть, ты и не сразу получишь помощь и душевное облегчение, но не унывай. Ходи в храм, - проси Господа, и непременно получишь избавление себе, ибо просящему не будет отказано, как сказал Спаситель: *Просите и дано будет вам; ищите и найдете; стучите, и отворят вам* (Мф. 7, 7).

Протоиерей Евгений Попов. О самоубийстве⁹

Ответы на вопросы

Вопрос: Отчего происходят самоубийства?

Ответ: Самая главная причина самоубийств - языческий взгляд на жизнь, мнение, будто человек после смерти больше не существует, будто смерть для него - уничтожение. Считают, что животное, умирая, пропадает навсегда, так и все человечество, вся видимая природа некогда исчезнут безвозвратно, почему не стоит и для человечества или в пользу потомства приносить какие-либо труды или приношения. Престарелый или несовершеннолетний, мужчина или женщина, ученый или неграмотный, князь или сторож лишают себя жизни, находясь в полном уме и сознании. Но будьте уверены, все эти лица ужаснулись бы и мысли о самоубийстве, если бы в них была вера в загробную жизнь, если бы они по Слову Божию и святоотеческому учению ясно представляли себе Страшный Суд Христов и вечную муку грешников. Только при наличии этой причины все другие причины к самоубийству получают свою силу. Неверие собственно объясняется и такие загадочные самоубийства, к которым, по-видимому, не было никаких причин - ни нужд, ни долгов, ни пьянства, ни угнетений. Неверующий в бессмертие души не дорожит своей жизнью на этом свете, потому что не видит в ней высшего смысла и значения: это жизнь, по его мнению, только "животная". Верующий человек и на этом свете живет большею частью долговечно, благодаря своему воздержанию, и за гробом ожидает себе нескончаемой вечности. Между тем он дорожит каждым днем своей жизни и любит жизнь, почему же? Потому именно, что жизнь для него имеет смысл высший - в каждом дне он видит приготовительный срок к вечности.

Вопрос: Но некоторые, решаясь на самоубийство от чьих-либо угнетений, может быть, хотят этим самым отомстить своим угнетателям?

Ответ: Если так, то остается подивиться безумному пожертвованию этих людей своей жизнью на досаду другим! Враги их будут жить, а они простятся с белым светом. Врагам их, пусть вполне виновным в их самоубийстве, пусть это будут действительно самые жестокосердые и развращенные люди, еще остается время покаяться пред Богом и очистить себя от грехов какими-либо страданиями в жизни, а они сами добровольно отказываются от срока для покаяния. Они-то навеки уже погибают. Наконец, крайне неосновательно страдалец считает и последующие свои годы безотрадными. Нет, не все еще для него погибло, не все еще радости в жизни для него закрыты. Богодухновенный Давид уверяет: *на мгновение гнев Бога, на всю жизнь благоволение Его; вечерам водворяется плач, а на утро радость* (Пс. 29, 6). В воле Божией изменить обстоятельства нашей жизни, по-видимому, уже непоправимые.

Вопрос: Что можно сказать о тех людях, которые, совершив преступление под гнетом своей совести, поднимают на себя руки?

Ответ: Без сомнения, в самоубийстве этих людей нет ни содействия суду, который бы должен был казнить их (хоть и не смертною казнью), ни искреннего самоосуждения и смирения пред другими, ни богоугодного раскаяния. Эти люди только подражатели Иудину отчаянию. Но и сам Иуда не был ли бы прощен, если бы припал к ногам Спасителя на

⁹ Составлено по изданию: "Страшная участь самоубийцы" прот. Евгения Попова. Пермь, 1886.

Тайной Вечери и сказал: "Я согрешил, я допустил страшнейший грех?" Пусть он уже продал неповинную кровь: но Господь Спаситель и проданную им кровь готов был принести, и действительно, принес в жертву за грехи целого мира, в том числе и за него. Так точно и ныне каждый из самых тяжких преступников, пусть совесть говорила бы ему, что он уже не достоин жизни, мог бы быть помилован милосердным Богом. К чему же его отчаяние? Напротив, жестокость мучений его совести - самый сильный урок против отчаяния. Он должен был бы рассудить здесь с собой так: "Если и в настоящей жизни совесть столь жестоко меня мучает, что не рад я существованию на свете, не еще ли сильнее мучения совести постигнут меня в будущем веке? Но там уже никаким оружием не в силах я буду лишиться себя жизни. Итак, зачем же мне решаться теперь на самоубийство?.. Лучше уж обращаюсь к милосердому Богу, и буду молить Его о прощении.

Вопрос: Можно ли полностью оправдать самоубийство повреждением разума, иначе говоря, сумасшествием?

Ответ: Всего более оправдывают нынешних самоубийц помешательством, как бы слагают вину насильственной их смерти на Самого Творца, будто бы наделившего их болезненным состоянием мозга и нервов. Всевышний Боже! Можно ли помыслить о Тебе, чтоб Ты, всеправедный и премилосердый, пожелал кому-либо из людей дойти до такого страшного преступления, как самоубийство! Нет, Господь и в природу животных вложил чувство самосохранения. Видим мы, что и ни одно животное не бросается в пропасть, где через минуту обретет смерть, не заходит в глубокую реку, где может утонуть. Напротив, каждое животное - от насекомого до зверя - борется за свою жизнь, старается убежать от тех и даже повредить тем, которые хотят убить его. Стало быть, самоубийца в настоящем случае хуже животного. - Известны еще между людьми слабоумные от природы, люди с недоразвитым мозгом, так называемые "идиоты". Но разве и эти не берегут своей жизни?

Вопрос: Однако иногда человек, помешавшийся рассудком, теряет врожденное ему чувство самосохранения. Отчего же увеличались ныне случаи сумасшествия?

Ответ: Есть великое зло в современной жизни, это - торопливость жить. Люди нынешнего века, так сказать, бичом погоняют себя жить. Какое ни возьмите занятие - ремесло, торговлю, любую должность или науку - всюду увидите крайнюю напряженность сил, прибавление к одному делу, которым и можно было бы довольствоваться для существования, еще другого и третьего дела, не просто борьбу за существование, но искание себе гораздо большего, чем требуют личное положение и трудовая жизнь? Тому, кто еще не знаком с этой лихорадочной торопливостью нынешних людей жить, достаточно пробыть один только будний день в каком-нибудь большом городе. И - вот он будет удивлен, зачем это люди так бегут, точно гора на их головы валится. Постоянные же жители города уже довольны подобной толкотней, но отчего? Не в силу здравого рассуждения и сознания, что такова должна быть жизнь человека, а только вследствие собственной возбужденности.

При этом мы встречаемся еще с новой особенностью в занятиях нынешних деловых людей. Нынешние дельцы не так распределяют свои занятия, чтоб были им промежутки отдохнуть, но большей частью выполняют всю работу в один прием. После трудов, конечно, желателен отдых. Но в чем они, обыкновенно, полагают свой отдых? Совсем не в том, чего требуют благоразумие, здоровье и Господь Бог. Например, не в спокойном созерцании красот природы, не в прогулках на открытом воздухе, не в тишине своей семьи, тем более - не в том, чтоб в праздничный день сходить к заутрени и обедне. Неустанная их работа с раннего утра и до вечера, может быть иной раз даже без обеда, в свою очередь и отдыха требуют такого, который бы соответствовал возбужденному их состоянию, то есть взывают их к удовольствиям затейливым, бурным и острым.

Итак, что ж мудреного, что многие из нынешних людей, столько извращая для себя порядок жизни, указываемый природой, создав для себя головные и сердечные боли, испытывая так называемую "утомленность сердца", в заключение всего и приходят к сумасшествию! Конечно, в нынешних умопомешательствах, как затем и в самоубийствах, надобно обвинять так, а не иначе, сложившуюся общественную жизнь, Но ведь в воле каждого человека или жить по законам природы или же дерзко насиловать эти законы,

следовать той дорогой в жизни, которую указывает нам Господь в Святом Писании и пример которой оставили нам святые Божий, или же идти за массой широким путем.

Вопрос: Как судит самоубийцу Церковь?

Ответ: "О таком не подобает быти приношение", т.е. не должно быть поминовения, говорится в правилах церковных. Если его родственники и будут уверять священника, что он поднял на себя руки в сумасшествии: священник должен "со всяким тщанием испытывать", справедливо ли это уверение. Иначе священник сам подпадает осуждению. В номоканоне при большом требнике сказано: "аще убьет сам себе человек, ни поют над ним, ниже поминают его". Да и одно то обстоятельство, что он перешел в загробную жизнь без примирения с Церковью, что умер, ни исповедавшись и ни причастившись Святых Тайн, уже составляет достаточное основание для того, чтоб отказать ему в отпевании и поминовении. Но Церковь примет в свои материнские объятия тех из самых намеренных самоубийц, кто, не успев вдруг лишиться себя жизни, одумается и прибегнет чрез нее ко Христу, искупителю грешников. Она удостоит этого человека всех Таинств, которых удостоиваются прочие в смертельных болезнях: исповеди, приобщения и елеопомазания.

В отношении же к самоубийцам, которые совсем отреклись от Церкви, и ей остается одно: отречься от них.

Вопрос: Как можно оказаться виновным в чем-либо самоубийстве?

Ответ: Тяжелая ответственность пред Богом за самоубийцу падает на тех, которые видели его в состоянии отчаяния, и ничем не помогли ему: ни деньгами, ни советом, ни защитой. Так поступили первосвященники иудейские с предателем Иудой. Когда предатель, мучимый совестью, обратился к ним, чтоб найти у них помощь, они бессердечно ответили ему презрением.

Пусть иной человек, выражающий в отчаянии угрозу убить себя, и не возбуждает к себе сострадания, потому что сделался уже противен всем. Любовь христианская не позволяет нам отступаться и от самых отчаянных людей, которые притом желают, чтоб мы "не вмешивались в их жизнь". Кто может сказать, наверное, что наши усилия помочь им, не увенчаются, в конце концов, успехом?

В значительной степени принимают на себя вину чужого самоубийства те люди, которые оправдывают самоубийц и называют их героями, относят к их самоубийству благородные побуждения или же говорят о ком-либо из них: "Иначе ему (в том положении, каким самоубийца был застигнут) и нельзя было поступить..." В особенности самоубийства усиливались (как знаем из истории), когда их принимали под свою защиту наука и законодательство. Для примера можно привести древнюю языческую философию и законоположения некоторых нынешних государств. Да, чем снисходительнее древние философы начинали смотреть на самоубийства, тем более число их увеличивалось. Наконец, надо щадить от испуга, угроз и других потрясений людей с неустойчивой психикой, пугливых, эмоционально подвижных, чтобы какой-либо жестокостью не толкнуть их к преступной мысли о самоубийстве.

Вопрос: Итак, почему же все возрастает теперь число самоубийств?

Ответ: Самоубийства имеют силу духовной нравственной заразы: иногда в одном и том же месте подряд повторяется несколько покушений на самоубийство, подобно тому, как в больничной палате истерических женщин стоит только одной закричать, и все будут повторять то же. Кроме того, все чаще в современной жизни мы лишаем себя спокойствия духа и, так сказать, отравляем свое существование крайнею озабоченностью внешним благосостоянием, и отсюда - паникой. Мы боимся ныне всевозможных бедствий. Есть такие, которые приходят в дрожь от каждой грозы, от каждой пожарной тревоги, от каждого малого стука ночью, так что и не спят. Другие напрасно подозревают в себе болезнь, от которой будто бы будет им мгновенная смерть; некоторые, находясь в многолюдном собрании, каждый раз представляют себе, что вот тут случится пожар или обрушится потолок, а в безлюдном месте опять боятся остаться одни, не смеют и пройти безлюдным местом. А как много ныне таких, которые при малейшем поводе выходят из себя, чуть не болеют, если не

исполняется какое-нибудь их желание! Пугливость и нетерпеливость этого рода овладевают ныне даже целыми массами людей вроде какой-то эпидемии. Что же за причины чрезмерной боязливости нашей, и пред частыми и общими какими-либо бедами? Это именно - возбужденное состояние во всех, крайняя напряженность нервов, нервная слабость, а главное - упадок веры и страха Божия и отсюда отсутствие преданности воле Божией. Так и возрастает ныне число душевнобольных, которые все в высшей степени нервны, и овладевает многими отчаяние до самоубийства.